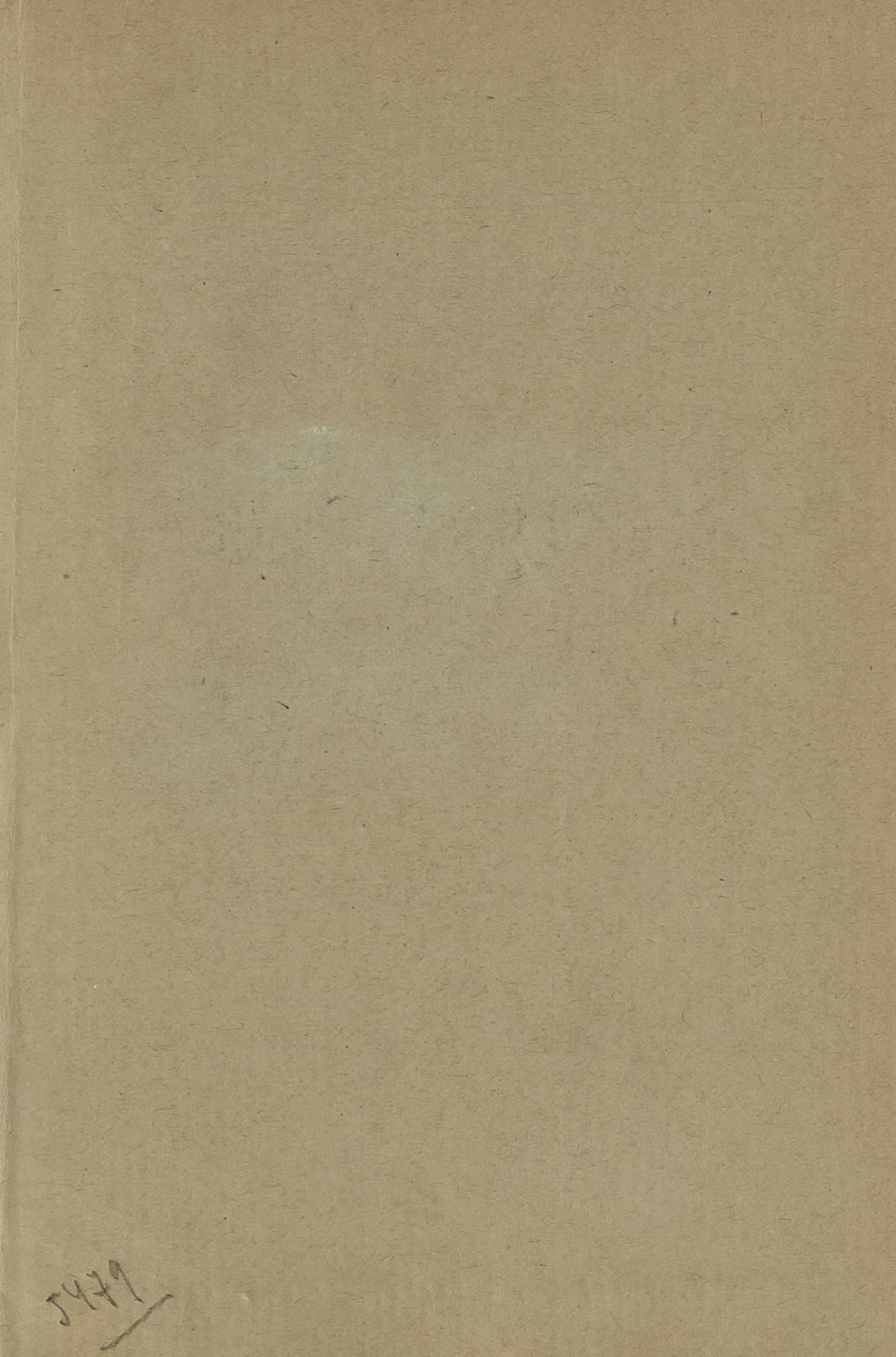
ВОм 955/32

Suum cuique
Всякому свое
ИЗ КНИГ А.М. МАКАРОВА.

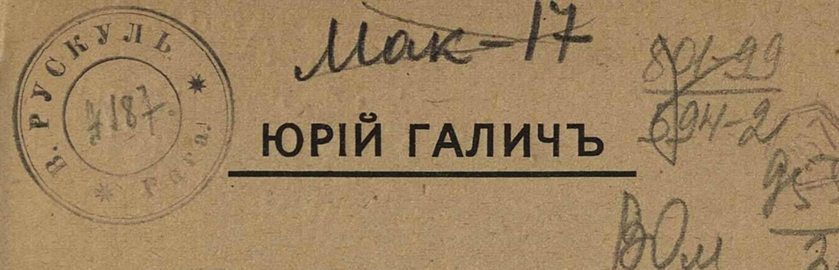

5479

ЮРІЙ ГАЛИЧЪ

ОРХИДЕЯ

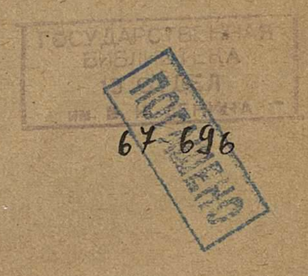

ЮРІЙ ГАЛИЧЪ

ОРХИДЕЯ

СТИХИ

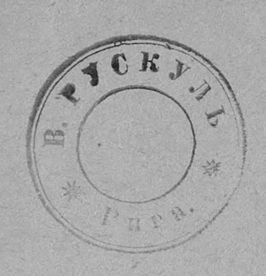

Эта книга напечатана
въ типографіи А. Нитавскаго,
Рига, ул. Меркеля 6.
1927.

Всѣ права сохранены
за авторомъ.

ЛУНОГРЕЗЫ

В. РУСКУЛЬ
Рига.

Н. Гумилеву.

Искатель жемчуга.

1.

Вчера я жилъ въ волшебномъ храмѣ,
Въ саду оранжевыхъ фантазій,
Гдѣ, въ бѣломраморныхъ бассейнахъ,
Сверкалъ янтарь и бирюза.

Гдѣ міръ, унизанный огнями
И драгоцѣнностями Азій,
Въ одеждахъ солнечныхъ и фейныхъ,
Глядѣлъ, смѣясь, въ мои глаза.

Звучалъ напѣвъ незримой лютни,
Струились шелковыя тѣни,
И бубенъ юной одалиски
Дрожалъ въ лукавомъ полуснѣ —

И все тѣнистѣй, все уютнѣй,
Насъ укрывалъ шатеръ растеній,
И кто-то нѣжный, кто-то близкій,
Склонялся ласково ко мнѣ.

2.

А сегодня — скольжу на Замбезе,
Въ глубинѣ африканской пустыни,
Направляя зулусской пироги
И коварный и зыбкій полетъ.

И, въ мотивахъ мимозной поэзы,
Открываю иныя святыни —
Водопой, гдѣ лежатъ носороги,
Гдѣ рѣзвится сѣдой бегемотъ.

Пусть густы баобабныя чащи,
Пусть колючи и цѣпки мимозы,
Но желѣзной иглой ассегая
Я пронжу изумрудную мглу —

И все чаще, все чаще, все чаще
Уношусь въ африканскія грезы,
А на солнце глядитъ, не мигая,
Чернокожій мой спутникъ — Лулу.

3.

А завтра — царственно и смѣло,
Я подыму косматый парусъ
Моей таинственной фелуки,
На сонный выкинутой брегъ.

И, птицей гордою и бѣлой,
Туда, гдѣ волнъ грохочетъ ярусъ,
Скрестивъ на грудь стальныя руки,
Уединюсь въ крылатый бѣгъ.

И, окруженный бездной водной,
Внимая дьявольскому гулу,
Когда мнѣ Крестъ засвѣтитъ Южный
Маякъ лучистый сквозь туманъ —

Я, одинокій и свободный,
Умчусь въ далекій Гонолулу,
Гдѣ плещетъ тихій и жемчужный,
И вѣчно юный — Океанъ.

—

ТѢНИ НОЧИ.

Тихо тонетъ день печальный.
Робко теплится звѣзда.
Волны. Вечеръ. Свѣтъ астральный.
И кругомъ — вода, вода.

Шопотъ. Ропотъ. Вздохи моря.
Блѣдный сумракъ. Лунный путь.
Думы. Тѣни. Думамъ вторя,
Ноютъ снасти, ноетъ грудь.

Дымка. Парусъ одинокій.
Запоздалой чайки крикъ.
— Гдѣ ты, другъ мой нѣжноокій?
Гдѣ ты, свѣтлый, яркій мигъ?

И печаль ползетъ невольно.
Я — одинъ... Ты — далека...
Сердцу грустно. Сердцу больно.
И кругомъ — тоска, тоска.

БЫЛОЕ.

1.

Вѣтрякъ маячитъ на пригоркѣ,
А день такъ ярокъ, такъ хорошъ —
Луга, поля и запахъ горькій,
И томно зрѣющая рожь.

Проселокъ, вьющійся узоромъ,
Плетень кривой за косогоромъ,
Мохнатый ельникъ, темный логъ,
И топь, и змѣйка-ручеекъ.

Все тотъ же видъ, сѣдой и древній,
Сто лѣтъ впередъ, сто лѣтъ назадъ —
Поляны, пашни и деревни,
И пятна млѣющія хатъ. . .

Прости меня, великій Боже,
Но почему-то мнѣ дороже,
Тебѣ одной, тебѣ молюсь —
Моя языческая Русь!

2.

Падаетъ, падаетъ сумракъ вечерній,
Сизой фатою закутались нивы,
Тѣни длиннѣе и мракъ суевѣрнѣй,
Все такъ тревожно и такъ молчаливо.

Вспыхнулъ и вздрогнулъ костеръ за рѣкою,
Небо уснувшія тучи сковало,
Призраки ночи, мохнатой рукою,
Стелютъ надъ міромъ свое покрывало.

Клейко змѣится дурманящій запахъ
Томныхъ бегоній, цвѣтовъ павилики,
Очи мигаютъ въ вѣтвяхъ косолапыхъ,
Въ землю вонзились янтарные блики.

Рощи умолкли и тонутъ деревни,
Вѣщая птица аукнула гдѣ-то,
Все засыпаетъ, какъ въ сказкѣ съ царевной —
Только одинъ я не сплю до разсвѣта.

3.

Уже стоятъ оконеныя дрожки,
А осень желтая разсыпалась въ саду.
Въ послѣдній разъ, по узенькой дорожкѣ,
Иду.

Мой старый садъ!.. Вотъ прудъ, а вотъ бесѣдка...
Мнѣ почему-то вспомнилась сосѣдка,
Вопросъ — нѣмой отвѣтъ,
И лунный свѣтъ.

— Прощайте всѣ, прощайте, до свиданья,
Луга, поля...
Грядущее туманно, какъ гаданье,
Какъ бѣгъ руля!

И мнѣ въ отвѣтъ скрипятъ деревья парка,
И зыбь расходится кругами по водѣ...
А на прощанье воронъ такъ закаркалъ —
Нехорошо все это, быть бѣдѣ.

СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГЪ.

1.

Сѣдыхъ дворцовъ тяжелый мраморъ
Закутанъ блеклой синевою,
На небѣ саванная тога
И моросить холодный дождь.

Безлистый скверъ уснулъ и замеръ,
Склонясь пугливо надъ Невою,
И смотритъ пристально и строго
Въ свинцовый сумракъ Мѣдный Вождь.

2.

Сказку изъ бѣлой былины
Камень недвижный таитъ —
Эти дома-исполины,
Этотъ дворцовый гранитъ.

Блѣдная немочь разсвѣта,
Шпицъ крѣпостной и вода
И, замерцавшая гдѣ-то,
Въ небѣ беззвѣздномъ звѣзда.

3.

Стали тѣни блѣднѣй и короче,
Очертанья такъ блѣдно-нѣжны.
И, въ мерцаньи серебряной ночи,
Вижу профиль хрустальный княжны.

Вижу все, что такъ чутко скрывала
Эта ночь фантастическихъ грезъ —
И улыбку, и блѣдность овала,
Опушеннаго космами косъ...

4.

И томитъ меня сонъ бѣлой сказки,
Этотъ міръ петербургскихъ поэзъ —
Вотъ орелъ на золо́ченной каскѣ
Промелькнулъ, какъ фантомъ, и исчезъ.

Гдѣ-то хрипло пропѣли куранты,
А заря серебритъ синеву...
Томный вальсъ, кружева, аксельбанты —
И глядишь, и глядишь на Неву.

ВАРШАВА.

1.

Жасмины раздумья срывая,
Я слушаю сонный прибой.
И грезятся звуки трамвая,
И брызги, и смѣхъ голубой.
Каштаны Саксонскаго Сада
И мраморъ таинственныхъ Ледъ —
Ахъ, трогать не надо, не надо,
Рубца изъязвленнаго слѣдъ!

2.

Да, чудится мнѣ, не во снѣ-ли,
Сверканье асфальтовыхъ плитъ,
И запахъ варшавской панели,
И четкіе стуки копытъ.
И шумный бульваръ и аллеи,
И тихій палацъ и дома —
И грежу я, думы лелѣя,
А ночь и черна и нѣма.

3.

Далекія смутныя вѣсти...
О, еслибы вновь увидать
Толпу на Краковскомъ Предмѣстьи,
Какъ жалкій изгнанникъ, какъ тать!
Цвѣточный боскетъ и Лазенки,
Лиловую въ паркѣ сирень,
И смѣхъ сѣроглазой паненки,
И виллы кокетливой сѣнь.

4.

Фонтаны въ клубахъ аромата,
Узорный трельяжъ и огни —
Все было когда-то, когда-то,
Въ далекіе яркіе дни.
И бархатно катятся мысли,
Какъ спицы рессорныхъ колесъ —
О, еслибы снова на Вислѣ
Увидѣть бѣлѣющій плесъ!

5.

И кажется, будто я вижу,
Сквозь зыбкій и ѣдкій туманъ,
Что чувству жасминному ближе,
Что манитъ, какъ нѣкій дурманъ:
Кофейню и панну Ирену,
Лукавый дуэтъ въ уголкѣ,
И гербъ даже гордый — Сирену,
Съ мечомъ серповиднымъ въ рукѣ.

6.

Мохнатыя шепчутся тѣни,
Недвижимъ холодный песокъ,
И пью невозвратныхъ видѣній
Я остро-мучительный сокъ.
Кругомъ безпросвѣтно и мгла вѣдь,
Въ туманѣ родная земля...
— Куда же, куда же направить
Крылатый мой бѣгъ корабля?

Сонъ въ лѣтнюю ночь.

Въ моей душѣ рокочутъ струны —
Мнѣ снился островъ золотой,
Жемчужно-дивный, вѣчно юный,
Сіявшій райской красотой.

Зеленый миртъ тамъ росъ и розы,
Цвѣты струили сладкій ядъ,
И въ фіолетовыя грезы
Вечерній кутался закатъ.

Журчалъ ручей и птицы пѣли,
А прудъ глядѣлъ на цвѣтъ небесъ,
И отвѣчалъ на трель свирѣли
Волшебнымъ эхомъ темный лѣсъ.

Козленокъ прыгалъ на лужайкѣ,
Надъ нимъ рѣзвился мотылекъ,
И жалкій крикъ летавшей чайки
Былъ странно близокъ и далекъ.

И тихо складкой бѣлой вѣя,
Не подымая робкихъ глазъ,
Изъ рощи трепетная фея
Пришла къ ручью въ вечерній часъ.

Закатъ горѣлъ, какъ будто въ сказкѣ,
Дышалъ восторгомъ свѣтлый міръ
И, полный чаръ и жгучей ласки,
Изъ лѣса выскочилъ сатиръ.

И смолкъ внезапно звукъ свирѣли,
Смѣялся тихо темный лѣсъ,
Журчалъ ручей и птицы пѣли,
А прудъ глядѣлъ на цвѣтъ небесъ.

МИРЕЙЛЬ.

1.

Былъ годъ войны и ласковый апрѣль,
И нѣжный паръ струился надъ Варшавой.
Въ груди поетъ стозвучная свирѣль —
Свободный, молодой, увитый бранной славой,
Искатель жемчуга, поэтъ и донъ-жуанъ,
Я медленно граню асфальтовыя плиты
И, какъ клинокъ, въ одно желанье слитый,
Оскаливъ страсть, жду жертву и романъ.

2.

Она бѣжитъ проворною походкой
По шумному бульвару, какъ газель.
— Куда спѣшите такъ, мадмуазель?
Звучитъ вопросъ насмѣшливою ноткой.
Взглянула на меня, безпечнаго гуляку —
Ни слова... Мой вопросъ, онъ, несомнѣнно, грубъ...
Но это что?... Смѣшокъ лукавыхъ губъ?...
Бросаюсь, шашки-вонъ, стремительно въ атаку.

3.

Ахъ, этотъ день, весна, лучи, апрѣль!...
Я помню васъ такъ явственно, такъ четко.
Ей девятнадцать лѣтъ, ее зовутъ — Мирейль...
Мирейль, Мирейль!... Одинъ ударъ короткій —
И завершонъ кавалерійскій бой.
Сверкало солнце въ безднѣ голубой,
Потомъ зажглись огни, и медленной стопою
Бредемъ по улицамъ, наряженнымъ толпою.
Потомъ спустилась ночь... Потомъ, потомъ—игра,
Игра весеннихъ чувствъ, безумства, ласки, чары...
Въ моей душѣ побѣдные фанфары
Гремятъ восторженно до самаго утра.

4.

Уже проснулся день, а я, склонясь надъ нею,
Вонзивъ пытливый взоръ, горю и пламенѣю.
Что думалъ я тогда?.. Забыться какъ нибудь...
Она лежитъ и тихо дышетъ грудь,
Волнуясь очеркомъ безстыжихъ полушарій,
Румянецъ дѣтскій щекъ, волна пушистыхъ косъ,
А на устахъ еще застылъ вопросъ —
И гдѣ-то, въ уголкѣ сознанія пошаривъ,
Мнѣ все представилось такою дикой шуткой,
Такой преступною и жалкою игрой...
— Мирейль, прости меня, забудь меня и скрой
Весенней шалости кощунственныя сутки!

5.

Мирейль, Мирейль!.. Гоню сознанье прочь.
Одна, о, лишь одна, единственная ночь,
Дрожащій поцѣлуй, прощальная улыбка —
И все исчезло вдругъ, такъ трепетно, такъ зыбко,
Какъ золотистый сонъ, навѣянный весной.
Но почему съ тѣхъ поръ стоитъ передо мной
Жемчужный образъ твой, весталки и кокотки,
И Лориганъ-Коти и траурныя чотки?
Но почему, какъ сладостная трель,
Звучитъ въ моей душѣ такъ женственно — Мирейль?

ЦВѢТЫ НАСЛАЖДЕНЬЯ.

Есть странные, чудесные цвѣты!..
Они растутъ вездѣ, въ глухихъ лѣсахъ, на нивахъ,
Въ селеньяхъ, въ городахъ, въ ущельяхъ прихотливыхъ,
То держатся тайкомъ, сплетаются въ кусты,

Полны волшебныхъ чаръ и дышатъ сладострастьемъ,
И взора жгучихъ глазъ не могутъ превозмочь.
Сорвите ихъ весной, въ томительную ночь —
И вы поймете то, что называютъ счастьемъ!

Они хрупки на видъ, душисты, молчаливы,
И нѣжной женскою сверкаютъ красотой.
Когда къ нимъ подойти и пламенной мечтой
Въ нихъ разбудить любовь и тайные порывы —

Ихъ нужно тотчасъ рвать, безъ думъ, безъ сожалѣній,
Упиться ядомъ силъ, таящихся въ цвѣткѣ
И, опьянѣвъ отъ струй, скользящихъ по рукѣ,
Отбросить въ сторону, для новыхъ наслажденій.

БѢЛОЙ НОЧЬЮ.

Тихо вѣя, словно птица,
Полусонными крылами,
Ночь спускается на землю
Въ блѣднорозовой фатѣ.
И тревожно таютъ тѣни
И, какъ сумракъ надъ полями,
Виснутъ трепетныя краски
Надъ водой и на водѣ.

Въ сѣрой дымкѣ очертанья,
Дали тонутъ въ мглѣ туманной,
Чуть замѣтно, чуть мерцая,
Звѣзды тихія горятъ.
И таинственно блѣднѣя,
Цѣпью призрачной и странной,
Въ небѣ тянется на сѣверъ
Облаковъ прозрачныхъ рядъ.

Дремлютъ рощи, дремлютъ пашни.
Окропленныя росою,
Спятъ желтѣющія нивы,
Часъ забвенья — только мигъ.
И одинъ лишь до разсвѣта,
Надъ песчаною косою,
Гдѣ-то стонетъ безутѣшно
И томительно куликъ.

ДУМКА.

Брезжитъ часъ румяной рани.
Закричали пѣтухи.
Духомъ дегтя и тарани
Вѣютъ сонные шляхи.

Тихой лентой вьется Ворскла.
Небо нѣжитъ синій ворсъ стекла.
Въ росномъ кружевѣ трава.
Въ мутной дымкѣ Котельва.

Въ полдень — отдыхъ на баштанѣ.
Зной. Курень. Костеръ въ золѣ.
Подъ ветлой, ометъ бараній
Притулился на землѣ.

Бѣлыхъ тучекъ рѣютъ грудки.
Низко, низко тянутъ утки.
Воздухъ млѣетъ, какъ опалъ.
Зной, колючій зной, упалъ.

Вечеръ. Сумерки. Оксана —
Жемчугъ ясный въ кумачѣ.
И тяжелая коса на
Кругломъ дѣвичьемъ плечѣ.

———

Юность.

Мнѣ снился милый край, мнѣ снились тѣ мѣста,
Гдѣ юность, какъ ручей, моя текла безпечно.
Гдѣ жизнь моя была такъ искренно-проста.
Гдѣ грезилъ я, мечталъ и клялся въ дружбѣ вѣчной.

Тамъ стелется луговъ узорчатый коверъ,
Въ туманѣ, въ синевѣ, тамъ видѣнъ очеркъ горъ.
Тамъ озеро, гдѣ я, съ ружьемъ, вечернимъ часомъ,
Безъ устали бродилъ по уткамъ и бекасамъ.

За рѣчкой рядъ полей, а вотъ — и домъ и садъ,
Тѣнистый старый садъ съ каштановой аллеей...
Да, сердцу моему такъ много говорятъ
Всѣ эти тополя, орѣшникъ, дубъ, гдѣ млѣя,

Признанье робкое ловилъ я на устахъ,
Гдѣ, въ сумеркахъ ночныхъ, въ малиновыхъ кустахъ,
Срывалъ порой не разъ я жгучее лобзанье...
О, сладкія мечты, часы, воспоминанья!

РОДИНА.

Колокольчикъ поетъ — гьянгьоли...
Колокольчикъ звенитъ подъ дугою.
И плывутъ, и плывутъ корабли,
Караваномъ, надъ степью нагою.

За кибиткой — жужжанье шмеля,
Вьется облачко сѣрое пыли.
Колокольчикъ поетъ — гьянгьоля...
Вѣютъ сказки и скифскія были.

Никого!.. Ни вблизи, ни вдали,
Кони быстро летѣли и мчали.
Колокольчикъ поетъ — гьянгьоли...
Словно спутникъ тоски и печали.

Солнце колетъ и жжетъ, какъ игла,
Льется духъ ароматный и пьяный.
Колокольчикъ поетъ — гьянгьоля...
Только степь да ковыль да курганы.

МИНІАТЮРА.

Блондинка нѣжная, по берегу залива,
Шла медленно одна, въ вечерній тихій часъ.
Струилось въ небесахъ мерцанье звѣздныхъ глазъ,
Раздумье, шопотъ волнъ, походка, легкій газъ
И бантикъ на груди, воздушно-прихотливый.

И въ этотъ тихій часъ, мечтатель и романтикъ,
Я грезилъ и мечталъ: „Приди ко мнѣ, приди,
Забудь свою печаль — что ждетъ насъ впереди?“
И былъ готовъ отдать весь міръ за этотъ бантикъ,
За этотъ мотылекъ на дѣвственной груди.

ЗАКАТЪ СОЛНЦА.

Потонуло солнце въ чашѣ темносиней,
Въ утомленномъ небѣ зыблется звѣзда —
— Какъ закатъ прекрасенъ, сколько яркихъ линій,
Какъ дрожитъ и дышетъ воздухъ и вода!

Въ этотъ часъ вечерній, въ этотъ часъ прощальный,
Не разстаться сердцу съ сказкой золотой —
— Гдѣ ты, моя радость, мой кумиръ хрустальный,
Съ грустными глазами, съ нѣжною мечтой?

Я гляжу на мѣсяцъ, молодой и чистый,
Вспоминаю сказку прежнихъ сладкихъ дней —
— Посмотрись ты также въ этотъ кругъ лучистый,
И забьется сердце у тебя сильнѣй!

ИГНАТЪ ИЗЪ ЗАБАВКИ.

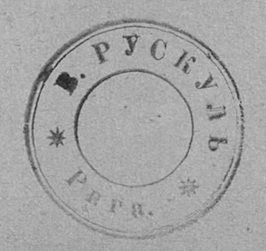
ПОЭМА.

1.

Давно, давно, лѣтъ шесть тому назадъ,
Съ берданкою въ рукѣ, въ поршняхъ, въ кафтанѣ
рваномъ,
Въ пригожій лѣтній день, съ разсвѣтомъ, раннимъ-
раномъ,
Проселкомъ пахотнымъ идетъ со мной Игнатъ.

Игнатъ изъ За́бавки, охотникъ и лѣсничій,
Знатокъ звѣрья, знатокъ повадки птичьей,
Бирюкъ и лѣсовикъ, живущій круглый годъ,
Среди своихъ звѣрей, среди своихъ тенетъ.

Идемъ размашисто, походкой мѣрной, скорой.
Вотъ — выселки, ивнякъ, болотный лугъ, бугоръ,
За желтой полосой синѣетъ дальній боръ —
Снимаю карабинъ и звонко кличу Фора.

В. РУСКУЛЪ Рига.

2.

Я любилъ разсвѣтнымъ этимъ часомъ,
Полевать по низовымъ заплаткамъ,
Два дуплета сдѣлать по бекасамъ,
А потомъ — по бѣлымъ куропаткамъ.

Въ этомъ, съ дѣтства, наслажденья много,
И лежитъ въ охотницкой потребѣ —
По дорогѣ зацѣпить косого,
Снять сапсана, рѣющаго въ небѣ.

Въ озерцѣ, гдѣ шебаршитъ осока
И ржавѣютъ тинистыя воды,
Взять чирка — и часто тѣшитъ око
Ловкій выстрѣлъ, въ молодые годы.

3.

Всплыло солнце золотистымъ шаромъ
И зажгло поляны, пашни, нивы.
Мы бредемъ по моховымъ омшарамъ,
Гдѣ лознякъ съ сѣдой сцѣпился ивой.

Гдѣ во мху маячитъ тощій ельникъ,
А куширъ танцуетъ подъ ногами...
— Форъ, иси!.. Ружье съ плеча!.. Бездѣльникъ,
Мертвой стойкой замеръ передъ нами.

Тихо все... И песъ стоитъ, какъ вкопанъ.
— Погоди, стрѣлять вѣдь, баринъ, надо...
Бахъ-ба-ба!.. И крыльями захлопавъ,
Замелькало куропачье стадо.

4.

На опушкѣ, гдѣ ольха съ осиной,
Есть чудесное и славное мѣстечко —
Тамъ, въ кустахъ, въ глуши тетеревиной,
Вьется змѣйкой безымянка-рѣчка.

По грему, слѣдами за Игнатомъ,
Пробираюсь быстро черезъ кладки.
— Баринъ, стой!.. Гляди за супостатомъ —
Полевикъ, а може куропатки!..

Фррръ!.. Ба-бахъ!.. Затрепыхался кочетъ —
Ко-ко-ко... Па-а-шелъ съ зарядомъ въ шкурѣ!
А Игнатъ смѣется и хохочетъ:
— Плохо, баринъ... Дай-ко-ся, покуримъ!

5.

Лѣсъ застылъ въ сухомъ, томящемъ знoѣ,
Пахнетъ мятой, хвоей и ромашкой.
Мы лежимъ подъ сонною сосною,
На землѣ копошатся букашки.

— Уморился... Больно прытокъ, вишь ты!
Въ другорядь пущай его ты смѣло.
Баринъ, какъ?.. Чай вынуть, што-ли, фриштыкъ?
Похарчи, сосни, потомъ — за дѣло!

Мы лежимъ... Краюха хлѣба, сало,
Огурцы и шкаликъ добрый водки.
Мошкара всѣ руки искусала,
Форъ пыхтитъ разинутою глоткой.

6.

Мы лежимъ... Болтаемъ безъ умолку
Обо всемъ — загонахъ въ лисьемъ логѣ,
Какъ дорогу перерѣзать волку,
Какъ принять медвѣдя изъ берлоги.

О слѣдахъ и о барсучьихъ тропахъ,
О лѣснянкахъ, лѣшихъ и купавахъ,
О болотныхъ омутахъ, о топахъ,
Объ огнѣ и заповѣдныхъ травахъ.

Все Игнатъ, мнѣ обо всемъ разскажетъ,
Какъ поэму, какъ легенду въ храмѣ.
А когда на западъ солнце ляжетъ —
Въ темный боръ идемъ за глухарями.

7.

Эхъ, Игнатъ!.. Гдѣ другъ ты мой любезный?
Нѣтъ тебя давно на божьемъ свѣтѣ —
На войнѣ, въ Галиціи, подъ Гнѣзной,
Срѣзанъ ты пятидюймовой плетью.

И свернулся гдѣ-нибудь подъ кочкой,
И, какъ Форъ, застылъ въ землѣ могильной,
И поютъ зеленые листочки,
И шумятъ зеленой говорильней.

И одинъ лишь я, изъ прежней тройки,
Небеса копчу своей особой.
— Эхъ, Игнатъ!.. Ни боръ, ни наши стойки,
Не забыть мнѣ никогда, до гроба!

Ландышъ.

1.

Въ твой тихій садъ, обрызганный росой,
Я пробираюсь тайно, какъ любовникъ.
Горитъ заря янтарной полосой,
Проснулись макъ, левкои, хмель, шиповникъ.
Ты спишь еще, ты видишь сладкій сонъ —
Зеленый лугъ и ароматъ магнолій,
И солнце и цвѣты, и пурпуръ и виссонъ...
О, дѣвушки, о, мотыльки на волѣ!

2.

Улыбаются томно и такъ бархатно розы,
И въ тоскѣ сладострастья отдаются лучамъ.
И порхаютъ монашки, и стрекочатъ стрекозы,
И щебечатъ чечотки по жасминнымъ кустамъ.
Льется запахъ акацій, льется запахъ черемухъ,
Все горитъ, все трепещетъ въ изумрудномъ огнѣ —
И въ лукавомъ окошкѣ, изъ за кружевъ знакомыхъ,
Чей-то взоръ шаловливый улыбается мнѣ.

3.

Ты сегодня такъ нарядна,
Ты сегодня такъ душиста,
И дрожатъ въ твоихъ рѣсницахъ
Звѣзды — капельки росы.
Ты сегодня, словно фея,
Словно ландышъ серебристый,
И сверкаютъ такъ чудесно
Волны вьющейся косы.
Есть въ саду твоемъ скамейка,
Тамъ тѣнисто, тамъ сирени,
Тамъ никто насъ не увидитъ,
Тамъ вздыхаетъ ручеекъ —
Я приду туда съ тобою
И, склонившись на колѣни,
Разскажу тебѣ, что раньше
Разсказать тебѣ не могъ.

4.

Мы смѣялись такъ звонко и рѣзвились такъ нѣжно,
Мы внимали, съ улыбкой, болтовнѣ ручейка —
Солнце ярко сіяло и въ лазури безбрежной,
Какъ воздушные замки, проползли облака.
Мы купались въ гирляндахъ хохотавшей сирени,
Мы рѣзвились, какъ дѣти, рвали макъ, резеду —
Солнце тихо тонуло и вечернія тѣни
Незамѣтно и тихо заструились въ саду.

5.

Въ эту теплую ночь, въ этотъ трепетный часъ,
Въ этотъ мигъ ароматной печали,
Что-то грезилось намъ, что-то мучило насъ,
Мы мечтали съ тобой и молчали.
Мы мечтали съ тобой, какъ во снѣ золотомъ,
Пахли розы, черемухи, травы —
И что было въ саду знаютъ звѣзды о томъ,
Только звѣзды да мѣсяцъ лукавый.

ВЕЧЕРЪ.

Сивый берегъ изогнулся
Неподвижнымъ лукоморьемъ.
Четко высились на стражѣ
Пушки сѣрыхъ батарей.

Было тихо и безлюдно,
Сумракъ плылъ надъ соннымъ взморьемъ,
И песокъ на сонномъ пляжѣ
Становился все сѣрѣй.

Окунувшись носомъ въ воду,
Солнце щурилось и гасло.
Сумракъ рѣялъ словно птица,
Вѣялъ крыльями и мякъ.

И чернѣлъ на желтомъ небѣ,
Въ небо врѣзавшись, какъ въ масло,
Остроглазый, острошпицый,
Острозыркавшій маякъ.

Пѣли волны, разбѣгаясь
Въ неизвѣстности туманной,
И звучали такъ вопросно
Гаммы сѣрыхъ сонныхъ строфъ.

А вдали, на горизонтѣ,
Какъ миражъ фатаморганный,
Плыли дымы броненосцевъ
И брамстеньги крейсеровъ.

ГРУСТЬ.

Мнѣ грустно оттого, что слѣдъ зари погасъ,
Что темныхъ облаковъ нахмурились волокна,
Что звѣзды въ вышинѣ, мильономъ скорбныхъ глазъ,
Таинственно глядятъ въ растворенныя окна.

Мнѣ грустно оттого, что близокъ часъ ночной,
Что пѣсни, что цвѣты слились съ туманной далью,
Мнѣ грустно оттого, что нѣтъ тебя со мной,
Что снова я одинъ съ своей нѣмой печалью.

СЧАСТЬЕ.

Она была — принцессой мая,
Царевной сказки и чудесъ.
И пѣли птицы, намъ внимая:
— Христосъ Воскресъ, Христосъ Воскресъ!

Прошли года... О, какъ далекъ онъ
Мой сонъ на свѣтломъ берегу!
Но золотисто-нѣжный локонъ,
Я, какъ былинку, берегу.

И въ яркій день, и въ мракъ ненастья,
Я при себѣ храню всегда —
Онъ талисманъ, онъ призракъ Счастья
И путеводная звѣзда.

И въ тинѣ жизни злободневной,
Съ надеждой сладкой я брожу:
Не разстаюсь съ своей царевной,
Но до сихъ поръ — не нахожу.

КОЛЬЦО НИБЕЛУНГОВЪ.

БЕРЛИНЪ.

Толпа волной валитъ на Фридрихштрассе —
Сигарный дымъ, бряцанье сабель, шпоръ.
И съ тайнымъ трепетомъ въ груди, помилуй Спасе,
Гляжу на Бисмарка чугуннаго въ упоръ.

Упала ночь и фонари мигали,
Огнистымъ окомъ смотритъ Лунапаркъ —
Я наудачу захожу въ биргалле,
Глазѣющій подъ сводомъ темныхъ арокъ.

Вокругъ меня — привѣтливыя мэдхенъ,
Волнистыхъ косъ сверкаютъ янтари...
И съ синеокой златорунной Гретхенъ
Сижу за столикомъ и пивомъ до зари.

ЗОЛОТО РЕЙНА.

Есть много солнечныхъ иллюзій въ рейнскомъ мірѣ!
Люблю тебя, золотоструйный Рейнъ,
Когда, въ кругу божественныхъ валкирій,
Я пью любовь и тонкій мозельвейнъ.

Въ груди звучатъ невѣдомыя струны,
Какъ рейнскій сокъ сучится златонить —
И сладкій мифъ, въ объятіяхъ алруны,
Я склоненъ вновь сегодня повторить.

БАЛЛАДА.

Старинный замокъ съ башнями кругомъ,
Любовной нѣгой дышетъ воздухъ пряный.
Скользятъ лучи въ просторѣ голубомъ,
Цѣлуютъ паркъ, боскеты и фонтаны.

На стѣнахъ мохъ и вьется плющъ сѣдой,
Звенятъ стрижи, а узкія дорожки
Заткались ландышемъ, крапивой, чередой —
И не сыскать слѣда воздушной ножки.

Но сказкой солнечной горитъ весенній день,
Но манитъ и зоветъ весенній день апрѣля —
И съ чуткимъ трепетомъ слѣжу, скользя какъ тѣнь,
Не зазвучитъ-ли пѣсня менестреля?

ИСТОРІЯ ВЪ КАМНѢ.

Я не люблю берлинскіе обѣды —
Тевтонскій столъ тяжеловатъ на вкусъ.
Но отъ вѣковъ, но отъ Аллей Побѣды,
Есть многое, что намотать на усъ.

Проспектъ-стрѣла, тюльпаны, яркій мраморъ,
Могучій торсъ съ оружіемъ въ рукѣ...
Пытливый глазъ впился, какъ клещъ, и замеръ —
Толпа дѣтей и нѣкто въ сюртукѣ.

Струится рѣчь и слышенъ звукъ вопроса,
И твердый, гордаго сознанія, отвѣтъ:
— Смотрите, дѣти, это — Барбаросса
Глядитъ на васъ, изъ тьмы минувшихъ лѣтъ!

ОБРАЗЪ.

Презрѣвъ отечество и вкусъ родной окрошки,
Я, какъ эстетъ и пламенный Дедалъ,
Въ Тиргартенѣ, на верховой дорожкѣ,
Лорнирую завѣтный идеалъ.

Пластичность формъ, брюнетка въ амазонкѣ,
Беретъ съ плюмажемъ — дѣвушка-корсаръ...
И этотъ бюстъ, и этотъ профиль тонкій,
А рядомъ — цитенскій гусаръ.

И иногда, изъ странствій по Европѣ,
Съ особой четкостью тотъ образъ видѣнъ мнѣ —
Тиргартенъ, утро и на курцъ-галопѣ
Корсаръ на ворономъ конѣ.

СТРАЖА НА РЕЙНѢ.

Въ тѣни садовъ, въ огнѣ лабораторій,
Въ дыму костра и въ нѣдрахъ юрскихъ горъ,
Ковалось медленно языческое море,
И выкованъ — готическій соборъ.

Я — славянинъ, и духъ страны германской
Я только здѣсь, какъ слѣдуетъ, постигъ.
И горечь дней и чаши гефсиманской
Меня особенно объемлетъ въ этотъ мигъ.

Великъ народъ, создавшій стиль и Гейне —
Могучій мечъ и щитъ родной страны.
— О, никогда не заглушить на Рейнѣ
Преданій дѣдовскихъ и пѣсенъ старины!

НА ШПРЕЕ.

Какъ картина Беклина, какъ сѣдая баллада,
Майскій полдень на Шпрее величаво струится:
Трамтамтамъ барабанный и разводъ вахтпарада,
И мундиры и шлемы, и капралы и вицы.

Какъ массивны колонны, какъ таинственны скверы,
Какъ пышны Брунегильды, какъ томны Маргариты,
Какъ задумчивы фрау, какъ торжественны герры —
И кругомъ — изваянья, и кругомъ — монолиты!

ЭПИЛОГЪ.

Народъ-титанъ, вознесшій мощь и духъ,
Народъ-мудрецъ, работникъ и воитель,
Изъ тьмы вѣковъ, кто возвеличилъ вдругъ
Тебя волшебно такъ?.. Твой панцырь и учитель.

Въ безумьѣ бурь, въ огнѣ борьбы кровавой,
Раздавлена, повержена во прахъ,
Прощай, Германія, простись съ былою славой,
На грудь желѣзную, пяту уставилъ врагъ!

Но иногда мнѣ кажется, что снова
Грохочетъ въ горахъ оберонный гимнъ —
И, въ громѣ битвъ, изъ сумрака лѣсного,
Въ блестящемъ панцырѣ, выходитъ Лоэнгринъ.

САМОЦВѢТЫ.

Я люблю ароматности,
Я люблю драгоцѣнности —
Въ нихъ сіянье тревожное,
Въ нихъ ликующій пиръ.

Въ каждоцвѣтномъ горѣніи,
Въ каждогранной измѣнности —
Цѣлый снопъ огнебрызжущій,
Цѣлый рай, цѣлый міръ.

Кровь струится рубинами,
Мысль сверкаетъ алмазами,
Въ лунномъ камнѣ таинственный
Дремлетъ чувства экстазъ.

Свѣтитъ умъ изумрудами,
Косы блещутъ топазами,
Кто не зналъ, кто не вѣдывалъ,
Глубь сапфировыхъ глазъ.

Зубы — жемчугъ окатистый,
Губы — яхонтъ язвительный,
Брови — лучъ адамантовый,
Разсѣкающій сталь.

Шейка — стебль гіацинтовый,
Плечи — шерлъ ослѣпительный,
Грудь — двѣ чаши агатныя,
А душа — какъ хрусталь.

—

РИГА.

1.

Брызги, чайки, волны, льдинки,
Яркій тюль голубизны,
Въ небѣ — золото блондинки,
Дѣвы огненной — Весны.

Да, весна!.. А въ сердцѣ осень,
Глубже въ сердцѣ гнетъ оковъ.
Но сквозитъ такъ нѣжно просинь
Изъ подъ вешнихъ облаковъ.

Но такъ сладокъ воздухъ тонкій,
Словно дамскіе духи,
И пропѣть готовы звонко
Острыхъ кирокъ пѣтухи.

Ахъ, весна!.. Все снова ново,
Вѣкъ промчался безъ слѣда —
Вотъ Канала городского
Ярко зыблется вода.

Биржа, баржи, будки, нравы,
Гуще запахъ сальныхъ свѣчъ,
Звонче чешетъ въ „тирготавѣ"
Трехъэтажная картечь.

Грозно смотритъ сѣрой мастью
Безлошадный пьедесталъ...
Но зато, какое счастье,
Снѣгъ пошелъ — и пересталъ.

2.

Ахъ, уйти-бъ отъ острыхъ терній,
Взвиться-бъ, скрыться-бъ навсегда!
Тихо виснетъ мракъ вечерній,
Въ небѣ вспыхнула звѣзда.

Меньше гула, меньше треска,
Пропоетъ свирѣль авто,
Въ окнахъ рѣетъ занавѣска,
Начинается — лотто.

Дремлетъ городъ сномъ глубокимъ,
Нелюдимъ панельный кварцъ,
Лишь глядитъ привѣтнымъ окомъ
Старый, милый „Отто Шварцъ".

Сколько райскій обаяній!
Но сегодня я богатъ,
И звенитъ въ моемъ карманѣ
Молодой латвійскій латъ.

И мигнувъ звѣздѣ лучистой,
Я гоню тревоги прочь —
Съ яункундзе золотистой
Проведу я нынче ночь.

А когда голубизною
Разгорятся небеса —
Буду думать, надъ Двиною,
Про весну и чудеса.

АСТРЫ.

Какъ піастры, разсыпались астры
На пушистомъ осеннемъ ковръ.
И томительно-зорко, какъ ястребъ,
Смотритъ золото дней въ серебрѣ.

Но все гуще ложатся туманы,
И кружáтся листы, какъ шаманы.
И на солнечный полдень земли
Потянули давно журавли.

И все рѣже становится сѣтка
На кленовыхъ стволахъ и кустахъ.
И уѣхала съ дачи сосѣдка,
И знакомый балконъ не въ цвѣтахъ.

Въ паутинѣ углы и пилястры,
День закутался сѣрымъ сукномъ,
Только астры, однѣ только астры,
Какъ піастры, горятъ подъ окномъ.

Вьется шелестъ и шорохъ пѣвучій,
И не грѣютъ, какъ прежде лучи,
И тягучѣй червонцы созвучій —
Безпокойное сердце, молчи!

КАЧЕЛИ ПЕЧАЛИ.

Качели печали меня укачали,
Качели печали качали печаль.
И челны чернѣли на черномъ причалѣ,
И черныя чары, какъ челны, звучали,
А чайки кричали: „Причаль!“

ГЛАШАТАИ КРЫЛАТЫЕ.

Курлы-курли,
Курлы-курли!
Звенитъ и таетъ звукъ.
Глашатаи
Крылатые
Летятъ, летятъ на югъ.

И стонъ и звонъ,
И звонъ и стонъ.
Такъ стройно, такъ легко,
Несется дичь,
Несется кличъ —
Го—го—го—го—го—го!

Уи-куи,
Уи-куи!
У зябнущей рѣки,
Томительно,
Мучительно,
Рыдаютъ кулики.

Кракъ-кракъ, кракъ-кракъ!
Не знаю какъ,
И чѣмъ унять тоску.
И хочется,
Пророчится —
Ку-ку, ку-ку, ку-ку!

БОА ИЗЪ СѢРЫХЪ ШЕНШИЛЕЙ.

РИЖСКІЙ РОМАНЪ.

1.

Былъ вечеръ. Бойкій зимній часъ.
Въ окнѣ сверкала елка,
И пара чьихъ-то карихъ глазъ,
Кольнувшихъ, какъ иголка.
На ней — боа изъ шеншилей,
У ней — античный профиль.
Стою, какъ вкопанный... Смѣлѣй!
Мнѣ шепчетъ Мефистофель.
Вопросъ... Улыбка... Разъ и два!...
О, съ вами хоть на Мурманъ!
И закружилась голова,
Когда я кликнулъ: „Фурманъ!“

2.

Сочельникъ. Елка. Санный бѣгъ.
И сказки зимнихъ оргій.
На вѣткахъ липъ — пушистый снѣгъ,
А на душѣ — восторги.
Въ душѣ гремятъ аккорды струнъ,
Что мнѣ морозъ и холодъ,
Когда я пьянъ, когда я юнъ,
Когда я снова молодъ!
У александровскихъ аллей —
Дрожатъ пугливо губки,
На ней боа изъ шеншилей
И синій бархатъ шубки.

3.

Ахъ, эта ночь подъ Рождество!
Я помню скромный ужинъ...
— Ты — сонъ, ты — мигъ, ты — божество,
Здѣсь маскарадъ не нуженъ!
Въ углу — боа изъ шеншилей
И бархатная шубка...
— Я юнъ, я пьянъ, я... Лей же, лей
Волшебный ядъ изъ кубка!
Сквозь сонъ я помню кружева
И нѣжный шелкъ сорочки,
И поцѣлуи, и слова —
И точки, точки, точки...

4.

Былъ это призракъ, сонный бредъ,
Рождественская сказка...
Но почему же на коврѣ
Забытая подвязка?
Сквозь сторы зыбился туманъ
И полумракъ лиловый...
Ахъ, какъ прекрасенъ былъ романъ,
Романъ на Известковой!
И въ блескахъ улицъ и аллей,
Ищу съ надеждой хрупкой —
Боа изъ сѣрыхъ шеншилей
И бархатную шубку.

СКАЗКА.

Въ мятеляхъ и въ розсыпяхъ вьюжныхъ,
Въ аккордахъ лиловой печали,
Какъ скорбны, какъ мертвенны блески
Луны въ запушенномъ окнѣ.

О знойныхъ, о яркихъ, о южныхъ,
О странахъ, гдѣ нѣжно звучали
Волны фосфорической всплески,
Мечтаю въ ночной тишинѣ.

Пусть снѣжные смолкнутъ напѣвы,
Покинемъ нѣмую печаль мы,
И въ міръ экзотической сказки
Умчи меня, буйный муссонъ.

Тамъ солнце и знойныя дѣвы,
Тамъ знойное небо и ласки,
Тамъ звѣри, тамъ птицы, тамъ пальмы,
А жизнь — неразгаданный сонъ!

СОНЪ.

Въ дождливый день такъ сладко спится,
Въ окно чуть брезжитъ сѣрый свѣтъ,
И на подушкѣ серебрится
Раздумья соннаго корветъ.

Корветъ скользитъ, оснащенъ парусъ,
Звенитъ прибой морской волны,
И на волнѣ, какъ бѣлый гарусъ,
Легъ мостъ лучистый отъ луны.

Плывутъ часы, плывутъ година,
Корветъ ложится въ тихій кренъ,
И гдѣ-то слышенъ смѣхъ ундины,
И слышенъ гдѣ-то зовъ сиренъ.

Тамъ феи ткутъ златыя нити,
Тамъ серебрится лунно тѣнь...
— О, не будите, не будите,
Меня вы въ этотъ сѣрый день!

ОДИССЕЯ.

МЕРТВАЯ ЗЫБЬ.

Таетъ вечеръ, кроткій и янтарный,
И волну колышетъ сонный бризъ.
Грежу я, и, странникъ легендарный,
Мнится мнѣ — мифическій Уллисъ.

Какъ и онъ, разстался я съ Итакой,
И храню прощальный Пенелопы взглядъ,
Нектаръ розъ смѣнивъ для доли всякой
Много дней, о, много дней назадъ.

И очагъ свой, поручивъ пенатамъ,
Пятый годъ блуждаю въ дикой тьмѣ,
Въ мірѣ зла, тревогою объятомъ,
И съ тоской на сердцѣ и въ умѣ.

Въ часъ случайный, ускользнувъ отъ Сциллы,
Я Харибды вижу мутный мракъ,
Тѣни Паркъ и злобный смѣхъ Сивиллы,
И Циклопа одноглазый зракъ.

— О, Калипсо, свѣтлая богиня,
Гдѣ ты, нимфа лучезарныхъ водъ?
Гдѣ твой храмъ, таинственный и синій,
Цѣловавшій яркій небосводъ?

И мнѣ кажется, что нѣкая Цирцея,
Мнѣ сулитъ еще не мало бѣдъ —
И съ тоской мечтаю о концѣ я,
И гляжу на серебристый слѣдъ.

ЛЮБОВЬ.

Любовь — лукавой лютни лепетъ.
Любовь — левкоевъ лунный лугъ.
Любовь — лазурь и ласка лѣта.
Любовь — и ландышъ и латукъ.

Любовь — лиловый ликъ лампады.
Любовь — ликеръ лилейныхъ лозъ.
Любовь — лучистый Лель и Ладо.
Любовь — лобзанье луногрезъ.

ОСТРОВЪ СЧАСТЬЯ.

1.

Мой челнъ томится на причалѣ,
Трепещетъ гюйсъ едва-едва,
Крикливой чайки прозвучали
Печали блѣдныя слова.

Впередъ!.. Покинемъ топкій берегъ!
На грань волны, сквозь очеретъ,
Колумбомъ, ищущимъ Америкъ,
Впередъ!

А если вспѣнится морская
И заворчитъ сѣдая грудь —
Хребтомъ дельфиньимъ Навзикая
Жемчужный намъ укажетъ путь.

2.

Крылья бѣлыя расправь ты,
Челнъ мой вѣрный, утлый гномъ.
Челнъ, впередъ, какъ аргонавты,
За таинственнымъ руномъ!

И, скользя надъ зыбкой бездной,
Въ брызгахъ пѣнныхъ янтаря,
Знай, чѣмъ гуще мракъ беззвѣздный —
Тѣмъ огнистѣе заря.

Прочь, туманное ненастье!
Въ облакахъ кричатъ орлы —
Вотъ онъ, вотъ онъ, Островъ Счастья,
Намъ сверкнулъ изъ синей мглы!

3.

Блещутъ яхонтъ и топазы,
Мирты, лавры, иглы пиній,
Яркій лучъ струитъ экстазы,
Все сапфирнѣй, все рубиннѣй.

Окаймленный кружевами
Бѣлой пѣны, гулъ прибоя
Златострунными словами
Вьется въ небо голубое.

И горя и пламенѣя,
И смарагдомъ и рубиномъ —
Островъ сказочный, какъ фея,
Вѣетъ въ сумракѣ пустынномъ.

ЦАРИЦА МАБЪ.

Въ грезахъ лунныхъ, въ грезахъ тайныхъ,
Несказанныхъ, небывалыхъ,
Тку тебѣ я ожерелье
Изъ жемчужно-пылкихъ словъ.
Ты — царевна, ты царица
Моихъ сновъ капризно-алыхъ,
И чертогъ мой драгоцѣнный —
Твой рубиновый альковъ.

Я приду къ тебѣ смущенный,
Безпокойный, восхищенный,
И склоню къ твоимъ колѣнамъ
Страсть и робость пополамъ.
Изъ хрустальнаго флакона
Льется астрисъ благовонный,
Ты — пурпурная богиня
И альковъ твой — свѣтлый храмъ!

Шаль изъ скунсоваго мѣха
Такъ любовно нѣжитъ плечи,
Сквозь лилово-блѣдный пеплумъ
Дышетъ чувственная грудь...
Мы потушимъ канделябры —
Въ окна свѣтится, какъ свѣчи,
Какъ таинственный трикирій,
Серебристый лунный путь!

Мы сорвемъ съ себя одежды —
Мы и жертва, и авгуры,
Жаждутъ жгучихъ приношеній
Страсти знойной алтари...
И вдвоемъ, среди пенатовъ,
На коврѣ изъ козьей шкуры,
Запылаемъ въ розоперстый
Часъ ликующей зари!

КОЛЬЦА НАРГИЛЭ.

Кальянный дымъ колышется въ кофейной
И за кольцомъ уносится кольцо.
И съ тихой нѣжностью, таинственной и фейной,
Я выхожу, въ раздумьи, на крыльцо.

Горѣлъ закатъ. Лучи спокойно рдѣли.
Я захожу въ цвѣточный магазинъ —
Тебѣ, тебѣ, волшебной башкадели,
Спою я гимнъ, лукавый муэдзинъ.

— Въ твоихъ рѣчахъ плѣнительность гарема,
Въ твоихъ очахъ босфорный тихiй свѣтъ,
Въ моей душѣ — смарагдная поэма,
Янтарный храмъ, топазный минаретъ!

Тебѣ слагать я буду пѣсни эти,
Сегодня счастливъ я, какъ свѣтлый падишахъ.
Я жду тебя, за скверомъ, у мечети —
Благословенъ премудрый будь Аллахъ!

ПЭРИ.

Ты — одалиска, быть можетъ, ты — пэри?
Что подъ зеленой таится чадрой —
Мнѣ неизвѣстно, но часто на Пэрѣ
Вижу тебя я полдневной порой.

Очи газели и платье отъ Ворта,
Запахъ Парижа — мюге и мускатъ:
Точно, на время, Высокая Порта
Стала подъ Арку и сѣнь Коллонадъ.

Стиль Сенъ-Жермена и звуки Корана,
Тайна гарема и садъ Тюльери —
Все въ тебѣ дышетъ загадкою странной,
Словно для мессы нѣмой алтари.

Словно невѣста въ пурпурной гетерѣ,
Жало Медузы въ улыбкѣ наядъ...
Ты — одалиска, быть можетъ, ты — пэри,
Но для меня ты — сверкающій ядъ!

ПРИНКИПО.

Въ окна льется серебристый
Смѣхъ и крикъ и шумъ и гомонъ —
Дымъ табачный, дымъ жаровни
И пивныхъ бутылокъ рядъ.

Скоро сумракъ, скоро вечеръ,
Лучъ прощальный весь изломанъ,
На стѣнѣ змѣятся блики
И струится винный ядъ.

Столъ дубовый, корки хлѣба,
Жиръ и масляныя пятна,
А на лавкѣ спитъ ангорскій
Старый, сивый, блудный котъ.

Двѣ-три фески, два тюрбана,
Тѣни шепчутся невнятно,
Звонко Деспина смѣется
И лукавый скалитъ ротъ.

Свѣтъ раздумный, свѣтъ прощальный,
Рдѣютъ трепетные блики.
Скоро сумракъ, скоро вечеръ,
Скоро яркій вспыхнетъ газъ.

— Эй, садись ко мнѣ скорѣе,
Здѣсь, за рюмкою мастики,
Буду слушать твои рѣчи
И глядѣть въ изломы глазъ!

Ты — вакханка и гетера,
А лицо изъ алебастра,
Губы — розы, губы — лозы,
Въ сердцѣ — пѣсни, въ сердцѣ — грѣхъ.

Но божественно ласкаютъ
Ухо звонъ моихъ піастровъ,
Звонъ піастровъ серебристыхъ —
Серебристыхъ, какъ твой смѣхъ.

ХАЛКИ.

Въ спокойномъ лазоревомъ морѣ,
Какъ жемчугъ оброненныхъ слезъ,
Бѣлѣетъ на южномъ просторѣ
Сѣдой и скалистый утесъ.

Онъ дышетъ морскимъ ароматомъ
И запахомъ розъ и тунцовъ —
Былъ нѣкогда ставкой пиратамъ,
Сталъ нынѣ пріютомъ купцовъ,

О, дивный, божественный Халки,
Очагъ несказанныхъ химеръ!
Въ тебѣ и невинность весталки,
И греческій плутъ и Гомеръ.

ЗАПАХЪ МАГНОЛІЙ.

Эллады дочь, мадмуазель Фенгара,
Стройна, какъ миртъ — всего шестнадцать лѣтъ...
На шейкѣ бронзовой отъ южнаго загара,
Виситъ затѣйливый хрустальный амулетъ.

Въ ней что-то есть, отъ Сафо-ли, отъ Фрины?
Сверкаетъ лучъ во вьющейся косѣ...
Смотрю въ глаза, гдѣ зрѣетъ ядъ невинный,
И декламирую Альфреда де Мюссе.

А передъ нами — Мраморное море,
Вода, закатъ и бирюзовый путь...
Но почему, въ завороженномъ взорѣ,
Скользитъ плечо и маленькая грудь?

Но почему мнѣ ароматъ магнолій
Несетъ порой взбѣсившійся муссонъ?
Мечты, мечты!... И хочется до боли
Вернуться въ дни, мелькнувшіе, какъ сонъ!

НЕЗНАКОМКА.

Шатенку съ бархатными глазками,
Въ широкой шляпѣ черной съ розами,
Знакомой вижу незнакомкою —
Моею грезовой Иштаръ.

И золотыми взятый ласками
И первомайскими наркозами,
Мечты фiалковыя комкаю,
Граня гранитный тротуаръ.

Она бѣжитъ походкой быстрою,
Вотъ скверъ съ пушистыми дорожками,
А сердце полнится кимвалами,
Какъ бронзированная мѣдь.

— Тебѣ я замокъ чудный выстрою,
Упьюсь, упьюсь твоими ножками,
Тебя, Иштаръ, ночами алыми,
Хочу любить, хочу имѣть!

АРХИПЕЛАГЪ.

Мы въ полдень вышли изъ пролива
На югъ, въ просторъ широкихъ водъ.
Вдали, на камняхъ, сиротливо,
Лежитъ подорванный дредноутъ.

Исчезло все — и вѣтеръ дувшiй
Въ ущельѣ дикомъ Дарданеллъ,
И вѣкъ далекiй, вѣкъ минувшiй,
Который здѣсь окаменѣлъ.

На кручѣ траурной, сѣрѣя,
Маячитъ только батарея —
Прощай, прощай, турецкiй флагъ,
Привѣтъ тебѣ, Архипелагъ!

ЛЕСБОСЪ.

Пѣсней моря дышетъ солнце,
Тихъ и чистъ просторъ безлюдный,
Въ блѣднорозовомъ туманѣ
Мнѣ мерещится земля.

Это — суша, это — островъ,
Это — Лесбосъ изумрудный,
И сознанье упреждаетъ
Бѣгъ проворный корабля.

Да, волшебный островъ Сафо
Видѣнъ мнѣ въ янтарной дымкѣ,
Потонувшій въ буйномъ блескѣ,
Въ яркомъ пламени цвѣтовъ,

Появившійся внезапно,
Словно въ шапкѣ-невидимкѣ,
Изъ лиловой бездны моря,
Изъ жемчужныхъ облаковъ.

Мысль несется въ глубь сѣдую,
Въ міръ Пріапа и вакханки,
Будитъ нимфъ воздушнокрылыхъ
И задумчивыхъ дріадъ.

И встаетъ передъ глазами
Образъ юной лесбіанки,
Чаровавшей пѣсней море,
Много лѣтъ тому назадъ.

Мысль витаетъ и трепещетъ,
И груститъ о небываломъ.
Слышенъ чайки бѣлогрудой
Потонувшій въ морѣ крикъ —

О, скорѣй бы прикоснуться
Къ этой почвѣ, къ этимъ скаламъ,
И отдаться наслажденью
И мечтамъ на краткій мигъ!

Небо дышетъ, островъ вѣетъ
Сказкой солнечной и нѣжной,
Волны, трепетныя волны,
Разстилаются съ бортовъ —

О, какъ хочется забыться
И душой внимать мятежной
Пѣнью моря, ласкѣ неба,
Вздохамъ вѣтра и цвѣтовъ!

———

ХІОСЪ.

Въ миртахъ и въ лаврахъ, роскошныхъ и вѣчно зеленыхъ,
Розами-лозами пышно увитый кругомъ,
Сказочный островъ купается въ брызгахъ соленыхъ,
Смотрится въ небо и въ небѣ сквозитъ голубомъ.

Въ яркомъ нарядѣ лежитъ онъ и дышетъ цвѣтами,
Шопотомъ-ропотомъ тихія рощи полны.
Юныя феи, пугливо скрываясь кустами,
Слушаютъ пѣсню лукавой и сонной волны.

Синія тѣни томятся въ таинственной чащѣ,
Ласкою-сказкою манитъ прозрачный ручей.
Съ нѣжной улыбкой, склонившись надъ нимфою спящей,
Смотритъ Амуръ на игру золотистыхъ лучей.

Чуткое эхо проснулось серебряной трелью,
Чистый-лучистый клубится надъ моремъ туманъ.
Солнце сверкаетъ такъ ярко, такъ нѣжно... Съ свирѣлью,
Въ пестрыхъ гирляндахъ, торжественно шествуетъ Панъ.

СОЛОВЕЙ.

Ты помнишь, ты помнишь — далекое лѣто,
Безтрепетный вечеръ надъ сонной рѣкою,
Плакучія ивы, коралы калины
И тихій вечерній закатъ?

Ты помнишь, какъ въ ласкѣ прощальнаго свѣта,
Дышали сирени, дышали левкои,
И гдѣ-то томился ноктюрнъ соловьиный,
Гремѣлъ соловьиный раскатъ?

Дремали каштаны и ясени парка,
На землю упали лиловыя тѣни,
И звѣзды проплыли на крыльяхъ покоя,
А мѣсяцъ сквозилъ изъ вѣтвей.

И было все это такъ жгуче, такъ ярко —
Безтрепетный вечеръ и нѣга сирени,
И звѣзды, и мѣсяцъ, и запахъ левкоя,
И то, о чемъ пѣлъ соловей.

ЭТО БЫЛО ВЕСНОЮ.

Это было весною, въ часъ цвѣтенья сирени,
Въ часъ цвѣтенья сирени, когда шепчетъ трава,
Когда дышатъ восторги, когда солнце и тѣни,
Когда солнце и тѣни золотятъ Острова.

Это было весною, когда нѣжныя струны,
Когда нѣжныя струны такъ поютъ и звенятъ,
Когда всѣ мы волшебны, когда всѣ мы такъ юны,
Когда всѣ мы такъ юны, какъ сиреневый ядъ.

Это было весною, въ изумрудовомъ паркѣ.
Въ изумрудовомъ паркѣ, въ жемчуговомъ огнѣ,
Гдѣ фонтаны и нимфы, гдѣ колонны и арки,
Гдѣ колонны и арки оживаютъ во снѣ.

Это было весною — было все такъ напѣвно,
Было все такъ напѣвно и сверкало звѣздой.
Въ бѣлокружевномъ платьѣ ты была, какъ царевна,
Ты была, какъ царевна, а я пажъ молодой.

И другъ друга узнали мы легко, безъ усилій,
Такъ легко, безъ усилій, будто знали вѣка.
И фатой подвѣнечной въ майскомъ небѣ сквозили,
Въ майскомъ небѣ сквозили облака, облака.

Это было весною, и готовъ былъ объять я
Цѣлый міръ, заключенный въ водопадъ кружевной.
И уста раскрывались, и сплетались объятья,
И сплетались объятья — это было весной...

ОТЧИЗНА.

Ручей и кольца павилики,
Жасминный цвѣтъ, луга, поля,
И ельникъ сумрачный и дикій —
Я вижу съ борта корабля.

Вечерній сводъ съ закатнымъ шаромъ,
Съ звѣздой полярной и Стожаромъ,
Усталый щебетъ, тѣни липъ,
И журавля ползучій скрипъ.

И слышу зовъ, и смѣхъ, и пѣсни,
И ласку, ласку безъ конца —
А ночь все ближе, все чудеснѣй,
Подходитъ съ задняго крыльца...

Настали дни и скорбно тѣни
Увили рой моихъ видѣній —
И, какъ изгнанникъ, съ корабля,
Къ тебѣ лечу, моя земля.

Тебя хочу и звуковъ пѣсни,
И дней былыхъ, мелькнувшихъ вновь.
— Приди же вновь, вернись, воскресни —
Былая радость и любовь!

Снѣжинки.

Идетъ зима, стучитъ морозами,
И бьетъ крылами по душѣ —
Цвѣтникъ съ закутанными розами
Бѣлѣетъ въ первой порошѣ.

Въ окно, пушистое отъ инея,
Ползетъ серебряная муть,
Синѣетъ дымка сѣросиняя,
И первый снѣгъ, и первый путь.

И садъ съ молчальницами-елками,
И на дорожкѣ бѣлой тѣнь,
И колетъ острыми иголками
Запорошенный зимній день.

Идетъ зима, стучитъ морозами,
Шагаетъ мѣрно, не спѣша —
И въ край иной, иными грезами
Горитъ и свѣтится душа.

Гдѣ вѣетъ запахами пряными,
Гдѣ зовы солнечные странъ,
Гдѣ за морями и туманами
Сверкаетъ синій океанъ.

Гдѣ бальзамическими смолами
Пронизанъ пальмовый уютъ,
Гдѣ люди вѣчно ходятъ голыми
И птицы райскія поютъ.

С. Черному.

Миражъ.

Съ кузенами Жоржемъ и Жаномъ,
Въ румяный раздумный разсвѣтъ,
Я вырылъ на пляжѣ песчаномъ
Нарядный и гордый корветъ.

Изъ простынь былъ парусъ крылатый,
Изъ ракушекъ надпись „Варягъ“,
Купальный костюмъ полосатый
На палкѣ зарѣялъ, какъ флагъ.

— Есть много чудесныхъ открытій!
Земля — неизвѣданный садъ.
На Кубу, на Яву, въ Гаити?
Но шепчутъ юнцы: — „Въ Петроградъ“!

Я сумрачно сталъ у штурвала,
Въ груди моей ширился шквалъ,
Волна набѣжавшаго вала,
Дрожала, какъ зыбкій опалъ.

И въ пѣнѣ, и въ брызгахъ, и въ mракѣ
Крикъ чайки носился сѣдой —
Червонною шапкой Исакій,
Какъ солнце, вставалъ надъ водой.

Мы кинулись къ якорнымъ талямъ,
Убрали, смѣясь, кливера —
— Причалимъ?.. — Конечно, причалимъ!
И кликнули разомъ: „Ура!“

РУСЬ.

1.

Изъ тьмы вѣковъ, шуршащихъ, какъ ковыль,
Скитаясь нѣкогда въ безкрайности равнинной,
Сѣдыхъ легендъ волнующую быль
Мы пронесли, какъ свитокъ длинный, длинный.

И въ тайникѣ, повитомъ чередой,
Еще хранимъ мы образъ печенѣга,
Когда въ степяхъ, кочующей ордой,
Стекались тучами подъ грозный щитъ Олега.

Еще звучитъ въ душѣ табуній крикъ,
И лязгъ мечей, и свистъ стрѣлы пернатой,
А въ пустыряхъ блуждаетъ полевикъ,
И буйный туръ, и вепрь, и лось сохатый.

О, не изсякъ родникъ родной страны!
Похмѣлье брачное и тризна въ часъ печали,
Преданья, зовъ отцовъ и пѣсни старины —
Для насъ еще, о, нѣтъ, о нѣтъ, не отзвучали!

2.

Текли вѣка и росъ дремучій боръ,
Мы бились, мы дрались, мы рѣзались жестоко.
Въ себя впитали мы готическій соборъ,
И Византіи вязь, и кружево Востока.

На грани двухъ міровъ осѣвъ, какъ исполинъ,
Среди своихъ полей, просторовъ и долинъ,
Потомокъ Дажбога и скифъ гиперборейскій,
Облекся въ плащъ культуры европейской.

Но — азіаты мы!.. И скинувъ плѣнъ оковъ,
Европа, предъ тобой мы вновь въ природѣ голой,
И вновь, какъ василискъ, изъ тьмы сѣдыхъ вѣковъ,
Глядитъ въ тебя, въ упоръ, лукавый ликъ монгола.

О, Русь дремучая, страна чудесъ и ладъ,
О, глубь безкрайная и ширь громады яркой —
Быть можетъ лучше ты и чище во сто кратъ,
Отчизны Байрона, Вольтера и Петрарки!

ЛУНОГРЕЗЫ.

Я снова здѣсь, въ краю родномъ,
Среди полей въ зеленомъ тренѣ —
И снова дышатъ подъ окномъ
Кусты жасмина и сирени.

Я снова здѣсь, я снова вашъ,
Родныя степи и долины —
Въ душѣ звенитъ, какъ „Отче Нашъ",
Знакомый голосъ журавлиный.

Плывутъ родимыя поля,
Луга, повитые туманомъ,
И звонкій крикъ коростеля,
Въ просторѣ радостномъ и пьяномъ.

И заводь тихая рѣки,
Въ вѣнцѣ изъ лозъ и желтыхъ лилій,
И голубые васильки,
И клочья бѣлыхъ эскадрилій.

И пятна гречи и овса,
И тѣнь синѣющаго бора,
И золотые небеса —
Вы любы всѣ мнѣ, безъ разбора.

О свѣтлый мигъ, о, яркій часъ!
Какъ блудный сынъ, какъ странникъ нѣкій,
Я снова здѣсь, и въ этотъ разъ —
Неотвратимо и навѣки.

ЦВѢТЫ МАНГО

АФРИКА.

Далекихъ странъ таинственные зовы
Влекутъ меня къ себѣ тревожной красотой —
И этотъ блескъ воды, молочно-бирюзовый,
И неба яркій плащъ, горячій и густой.

Не сказкой-ли сейчасъ мнѣ кажется чудесной
Высокихъ строгихъ пальмъ чеканный силуэтъ,
Песокъ нѣмыхъ пустынь и дали неизвѣстной,
И на пескѣ нѣмомъ забытый кѣмъ-то слѣдъ?

О, да!.. Въ душѣ растетъ и ширится сознанье,
Что это лишь обманъ и призрачный миражъ,
Что это только сонъ, мечта, воспоминанье —
Гляжу въ нѣмую даль и прячу карандашъ.

ВИДѢНІЯ СФИНКСА.

Устремивъ загадочныя очи,
Онъ глядитъ пытливо и упорно
Въ сизый сумракъ африканской ночи,
Знойно-чувственной и сладострастно-черной.

И застылъ въ какомъ-то смутномъ чудѣ,
Тайной все въ немъ неподвижной свито —
Не дрожатъ безтрепетныя груди
И не бьется сердце изъ гранита.

Много царствъ и много скорбныхъ тѣней
Проводилъ онъ каменной улыбкой —
— Не ликуй въ часъ радостныхъ цвѣтеній,
Въ часъ любви, и призрачный и зыбкій!

Сѣрый камень выщербленъ кусками,
Всюду — смерть, безжалостное тлѣнье.
А вѣка проходятъ за вѣками,
Какъ единое и краткое мгновенье.

ТОНЕТЪ СВѢТЪ.

На пескѣ недвижномъ и горячемъ
Тонетъ солнце и, мгновеньемъ зрячимъ,
Какъ ехидна, вьется тонкій слѣдъ...
Тонетъ свѣтъ.

Скоро вечеръ, скоро сумракъ сизый,
Скоро ночь взмахнетъ узорной ризой,
Таетъ кручъ далекихъ силуэтъ...
Тонетъ свѣтъ.

Но слѣды змѣятся, какъ ехидна,
На бугрѣ песчаномъ что-то видно —
Четки, плащъ, источенный скелетъ...
Тонетъ свѣтъ.

И стою въ раздумьи одинокомъ.
— Покорись начертанному Рокомъ!
Голый черепъ шепчетъ мнѣ въ отвѣтъ...
Тонетъ свѣтъ.

МОГГАМЕДЪ.

Въ яркій полдень шелъ по скверу,
Въ блѣднорозовомъ бурнусѣ,
Стройный, гибкій, величавый
И задумчивый арабъ.

— Разскажи мнѣ, сынъ пустыни,
О житье своемъ, о вкусѣ,
Кто ты, что ты, родъ и племя,
Гдѣ дворецъ твой и кто рабъ?

— Родомъ я изъ знойной Азры!
Отвѣчалъ мнѣ сынъ пустыни.
— Моггамедъ — мое такъ имя,
А по кличкѣ Бенъ-Агидъ.

Мой дворецъ — шатеръ небесный,
Куполъ неба темносиній,
Былъ я шейхомъ и султаномъ,
А сейчасъ — презрѣнный гидъ!

АЛЛУМА.

Дочь стройной пальмы и самума,
Нѣмыхъ пустынь огонь и зной,
Прекрасноликая Аллума
Стояла молча предо мной.

Въ ея очахъ былъ видѣнъ трепетъ,
Дышала страстью дикой грудь,
И алыхъ губъ горячій лепетъ
Шепталъ мнѣ медленно: — Забудь!

Забудь тоску души печальной,
Міръ счастья малъ и невеликъ,
Я, какъ ручей воды хрустальной,
Тебя возьму на сладкій мигъ.

Ты будешь мой, какъ путникъ каждый,
Забудь тоску, ты будешь мой!
И я молчалъ, томимый жаждой —
Кругомъ песокъ и мертвый зной.

ЛУННЫЙ ЛИКЪ.

1.

Горитъ и тонетъ яркій дискъ.
Огонь пустынь сквозитъ химерой,
Какъ лунный путь, какъ василискъ,
Какъ сумракъ, пепельный и сѣрый.
Недвижимъ трепетный песокъ,
Въ немъ тайна думъ незримо скрыта —
И видѣнъ оттискъ чьихъ-то ногъ
И слѣдъ верблюжьяго копыта.

2.

И каждый разъ, когда луна
Плыветъ надъ дремлющей пустыней,
И ночи чуткой пелена
Раскинетъ плащъ свой темносиній,
Когда весь міръ, свершивъ намазъ,
Ждетъ ласки сладкаго забвенья —
Я пробуждаюсь каждый разъ
И отдаюсь восторгамъ бдѣнья.

3.

Все дремлетъ, дышетъ тишиной.
Погасъ огонь въ дали безбрежной,
И брызги звѣздъ, и даже зной
Скользитъ задумчиво и нѣжно.
Молчитъ песокъ, сверкаетъ лучъ,
Бѣлѣютъ кости, пятна кала —
И лишь на мигъ, съ далекихъ кручъ,
Несется хриплый вой шакала.

4.

И ночь, томительная ночь,
Объемлетъ міръ тревожнымъ мракомъ.
Забыться — нѣтъ, нельзя, невмочь,
Трепещетъ умъ въ огнѣ двоякомъ,
Какъ лунный лучъ горитъ душа,
Горитъ, какъ зной, какъ дымъ пустыни —
И тихо, чутко, не спѣша,
Катится шаръ изъ бездны синей.

5.

О, въ этотъ часъ, какъ силуэтъ
Высокой пальмы, млѣютъ тѣни!
Я вновь во власти прежнихъ лѣтъ,
Во власти прежнихъ впечатлѣній.
И рой таинственныхъ картинъ
Встаетъ причудливо изъ праха —
— Я вновь богатъ, я не одинъ,
Во славу Неба и Аллаха!

———

В. РУСКУЛЬ
РИГА.

ВЪ ПОРТУ.

Слышится рокотъ волны неумолчной,
Пѣсни желѣзныя дока: тамъ-тамъ!
Грекъ неумытый, похабный и желчный,
Ходитъ за мною съ утра по пятамъ.

Нынче я самъ въ настроеніи скверномъ,
Небо не нѣжитъ разсѣянный взглядъ.
Хмуро шатаюсь по виннымъ тавернамъ,
Гдѣ отпускаютъ искусственный ядъ.

Въ полдень, укрывшись за жидкимъ трельяжемъ,
Съ масокъ срываю трагическій гримъ.
Вотъ, съ австралійцемъ, плечистымъ и ражимъ,
Смуглая дѣва глотаетъ айскримъ.

Въ лавкѣ, обнявшись, горланятъ матросы,
Турокъ изъ Яффы и русскій еврей —
Ѣдко спиралится дымъ папиросы,
Хлопаютъ залпы пивныхъ батарей.

Вечеръ закутался траурнымъ склепомъ,
Въ окна дробится фокстроттъ и бостонъ.
Ночью, въ экстазѣ цинично-нелѣпомъ,
Съ грекомъ въ сосѣдній шагаю притонъ.

———

ПРИТОНЪ.

Мрачный гидъ насъ водитъ по вертепамъ.
Оспой взрыто смуглое лицо...
Страсть дрожитъ кощунственно-нелѣпо,
Вотъ и дверь, а на стѣнѣ кольцо.

Ртомъ беззубымъ шамкаетъ старуха,
Все таинственно, все странно, все такъ глухо,
Но англійскій неизмѣнный фунтъ
Изъ кармана вынимаетъ Мундъ.

Двѣ арабки, въ одѣяньяхъ Евы,
Звонкій бубенъ, на рукѣ браслетъ,
Тѣло женщинъ, а улыбка дѣвы,
И обѣимъ — двадцать восемь лѣтъ.

Шея, грудь, сосцы, спина, запястья —
Все трепещетъ въ мукѣ сладострастья,
Какъ въ огнѣ горитъ кровавый ротъ,
И танцуетъ бронзовый животъ.

— О, повѣрьте, въ страсти африканской
Есть особый, ядовитый хмѣль!
И за чарою смѣемся мы шампанской,
Поздней ночью стукнувшись въ отель.

АЛИ.

ПОЭМА ПУСТЫНИ.

I.

Али собрался въ дальній путь,
Гонца постовъ, постовъ летучихъ.
Огнемъ сквозитъ нѣмая муть,
А солнца ликъ въ кровавыхъ тучахъ.
Мертвящій зной палилъ съ утра,
Трещалъ песокъ, какъ залпы ружей —
Но крѣпокъ старый горбъ у Кра,
И быстръ, какъ вѣтеръ, бѣгъ верблюжій.
Сидитъ и спитъ въ сѣдлѣ Али,
И снится — стройная Зунгара,
Оазъ и пальмы... А вдали —
Песокъ пустыни и Сахара.

2.

Горитъ и млѣетъ знойный день.
Въ дыму клубится шаръ огнистый,
И ночи трепетная тѣнь
Чадрой струится волокнистой.
Нѣмой колышется песокъ
И дышетъ медленно и кротко,
А Кра — силенъ, не изнемогъ,
И мчится ровною походкой.
Мерцаютъ звѣзды здѣсь и тамъ,
Луна съ тревожными вѣстями,
Но четко видѣнъ путь къ постамъ,
Увитый слѣдомъ и костями.

3.

За темной тучей меркнетъ лучъ,
И сумракъ стелется надгробный.
Завылъ шакалъ, а съ дальнихъ кручъ
Поднялся вѣтеръ, дикій, злобный.
Летитъ и крутится песокъ,
Туманитъ взоръ и жалитъ щеки —
Несется Кра, не чуя ногъ,
А путь къ постамъ еще далекій.
Несется Кра, какъ призракъ, тѣнь,
Али бодритъ его рукою
И, вспоминая яркій день,
Летитъ, склонившись надъ лукою.

4.

Песокъ валитъ, какъ зной, какъ дымъ,
Развелъ холмы, насыпалъ горы,
Кружи́тъ и облакомъ густымъ
Выводитъ дивные узоры.
Погасъ луны печальный свѣтъ,
Повисла ночь и мракъ безбрежный,
А постъ — далекъ, далекъ разсвѣтъ
И... Кра упалъ на бархатъ нѣжный.
Самумъ — титанъ и богъ пустынь,
Самумъ — духъ зла и демо́нъ праха.
— Прощай, Али... Аминь, аминь,
По волѣ Неба и Аллаха!

———

АЛЕКСАНДРІЯ.

На пескѣ неподвижномъ и рыжемъ,
Притаясь и свернувшись въ дугу,
Ты глядишь африканскимъ Парижемъ,
На просторномъ морскомъ берегу.

Такъ же гулки и пряны бульвары,
И огнисты кафэ и дома,
И зазывчаты бойкіе бары,
А на выставкахъ книжныхъ — Дюма.

И въ толпѣ разношерстной и броской
Та же звонко-бульварная рѣчь —
Вонъ гамэнъ задымилъ папироской,
Вонъ ужимка знакомая плечъ.

Только улицы будто поуже,
Только ярче какъ будто огни —
— Хорошо бы теперь въ Муленъ-Ружѣ
Коротать безпокойные дни!

— Хорошо бы теперь Табарена
Окунуться въ сверкаюшій балъ,
Гдѣ въ танго голоножитъ сирена,
Извиваясь подъ звуки цимбалъ!

Что арабки и зной и бурнусы,
Что рѣзьба мавританская крышъ —
Если звонко вечерніе гнусы
Мнѣ поютъ про Парижъ, про Парижъ!

———

ЛУННЫЙ ЧЕЛНЪ.

1.

Зной упалъ тревожно и нѣмѣя,
Свѣтъ померкъ и гаснетъ безъ слѣда.
И дрожитъ надъ башней Птоломея
Чей-то глазъ — вечерняя звѣзда.

На панеляхъ, тѣни отъ рѣшотки
Стали вдругъ такъ явственны, такъ четки,
И баюкалъ кто-то чьи-то сны
Въ кружевахъ ночной голубизны.

Синій сводъ увитъ чадрой постельной,
А на немъ, волнующей мечтой,
Лунный челнъ катился безвесельный,
Лунный челнъ чеканно-золотой.

2.

Страсть дрожитъ подъ шелковымъ бурнусомъ.
Эту страсть, не въ силахъ превозмочь —
День отдавъ мощамъ и папирусамъ,
Я любви отдамся въ эту ночь.

Гидъ сверкнулъ фальшивымъ хризопрасомъ,
Старый гидъ гнилой оскалилъ ротъ.
— Эй, колдунъ, веди гдѣ пахнетъ мясомъ,
Гдѣ любовь ливiйская цвѣтетъ!

Новый гимнъ сложу я тѣмъ святынямъ,
Вѣчно женственнымъ, горящимъ красотой...
А вверху, сверкая въ небѣ синемъ,
Лунный челнъ катился золотой.

3.

Черной пастью уличныхъ раструбинъ
Часъ бѣжитъ несносно, какъ года...
Но въ окнѣ тревожно звякнулъ бубенъ,
Шепчетъ гидъ таинственно: „Сюда!“

Кисея въ углу зашелестѣла,
Лунный лучъ плеснулъ изъ пары глазъ —
И пьянитъ трепещущее тѣло,
И зоветъ и манитъ, какъ экстазъ.

И въ гримасахъ жизни карусельной,
Я на мигъ задумался о той,
Той, какъ я, на челнъ тотъ безвесельный,
Лунный челнъ глядѣвшей золотой.

КОРСАРЪ.

ПОЭМА.

1.

Сгорѣлъ во мглѣ веселый портъ,
На гребнѣ водъ бѣлѣетъ парусъ,
И рветъ волну косматый нордъ,
И громоздитъ на ярусъ ярусъ.

Туда, къ далекимъ берегамъ,
Гдѣ плещетъ сонная лагуна,
Навстрѣчу сказочнымъ богамъ
Плыветъ беременная шхуна.

Ее несетъ могучій валъ
Сѣдой, скользящею дорогой,
И тихо смотритъ на штурвалъ
Вечерній спутникъ, серпъ двурогій.

Судно клонитъ на лѣвый кренъ
Жестокій нордъ и тяжесть груза,
И пѣснямъ жалобнымъ сиренъ
Внимаетъ красная медуза.

Упала ночь... Подъ ревъ и вой,
Купецъ забылся сномъ глубокимъ,
И только чуткій марсовой
Глядитъ на путь тревожнымъ окомъ.

2.

Крылатой стрѣлою изъ лука,
Взрѣзая волну, какъ стилетъ,
Ложится на морѣ феллука
Въ далекій кильватерный слѣдъ.

Порхаетъ, несется и мчится,
Двѣ мачты вонзивъ въ небеса,
Какъ хищная бѣлая птица,
Расправивъ свои паруса.

Трепещутъ упругія стеньги,
Бѣснуется траурный стягъ,
Какъ деньги, какъ деньги, какъ деньги,
Звенитъ нескончаемый лагъ.

Пусть хлещутъ и громы и ады,
Смѣется пусть штормъ, какъ бандитъ,
Но дерзко жерло карронады
На парусъ далекій глядитъ.

Бушуетъ свинцовое лоно...
Рукой ухватившись за тросъ,
На мостикѣ царь „Фараона“ —
Кровавый корсаръ — Альбатросъ.

3.

На немъ малиновый беретъ
И плащъ испанскаго фасона,
Ботфорты, шпага, пистолетъ
Авантюриста-брабансона.

Горитъ огнемъ орлиный взоръ,
А профиль чувственный и рѣзкій —
Отецъ былъ хищникъ-Альманзоръ,
А мать навѣрно генуэзка.

Но ни Мадонна, ни Коранъ
Въ его душѣ гнѣзда не свили,
Его душа — волшебныхъ странъ
Миражъ и сказочныя были.

Его душа не то мистраль,
Не то пампейро и сирокко,
И дикій смерчъ и пастораль
Сплелись въ немъ всѣ, по волѣ Рока.

И дерзкій, пламенный пилотъ,
Пѣнитель волнъ, съ Голландцемъ споря,
Онъ якорь свой и тяжкій лотъ
Кидаетъ въ яростное море.

4.

Чуть забрезжило чуткое утро —
Вѣтеръ спалъ и внезапно ослабъ,
И на морѣ, огнемъ перламутра,
Заструилась жемчужная рябь.

Куполъ неба пылающимъ зонтомъ
Надъ недвижнымъ повисъ горизонтомъ
И, червонной алѣя фатой,
Выплылъ медленно шаръ золотой.

Бѣлый парусъ сверкнулъ на бакбортѣ —
Такъ сверкаетъ перомъ алгвазилъ —
То купецъ, что вчера только въ портѣ
Ненасытное чрево грузилъ.

Гей, впередъ!.. Полный ходъ за добычей!
И, съ уверткой дельфиньей и птичьей,
Фальконеты сгрудивши на бакъ,
„Фараонъ" повернулъ въ оверштагъ.

Мигъ одинъ — загремитъ карронада.
Всѣ наверхъ!.. Абордажъ, абордажъ!...
Но гремитъ вдругъ внезапно: „Не надо —
Я сегодня прочелъ Отче Нашъ!"

5.

А завтра, только алый свѣтъ
Скользнулъ на марсъ по соннымъ реямъ —
Трехдечный грузный бугалетъ
Сталъ неожиданнымъ трофеемъ.

Ни слезы женщинъ, ни дѣтей,
Ни кровь на палубномъ настилѣ,
Его кощунственныхъ затѣй
Ни на минуту не смутили.

Впередъ!... Трепещетъ черный стягъ.
Долой сомнѣнья, совѣсть, мука,
Дискъ солнца краснаго — маякъ!
И мчится стройная фелука.

Туда, туда, на дальнiй югъ,
Въ иныя сказочныя страны —
Муссонный зовъ, дыханье вьюгъ
Излѣчатъ сабельныя раны.

Туда, гдѣ штормы и туманъ,
На край земли, гдѣ нѣту Бога,
Гдѣ плещетъ вѣчный океанъ,
Впередъ!.. На тропикъ Козерога!

———

К. Бальмонту.

ОЗЕРО ЧАДЪ.

1.

Лишь завѣютъ пахучіе нарды —
Уношусь на таинственный Чадъ.
Тамъ рычатъ въ тростникахъ леопарды,
Тамъ лиловыя птицы кричатъ.

Тамъ въ тѣнистой мимозовой пущѣ,
Гдѣ мракъ синій спокойнѣй и гуще,
Озаренные свѣтомъ луны,
Спятъ въ травѣ голубые слоны.

Все горитъ тамъ и жжетъ, какъ аграфы,
Тамъ фламинго и львиный галопъ,
На просторахъ пасутся жираффы
И стада золотыхъ антилопъ.

Тамъ и чащи и топи и дебри,
Гдѣ живутъ полосатыя зебры,
И приходятъ пастись на весну
Черный буйволъ и пепельный гну.

Развѣ яркости въ этомъ не много:
Отыскать затаившійся лазъ,
И свалить на зарѣ носорога,
Мѣткой пулей въ чешуйчатый глазъ!

2.

Тамъ живутъ африканскія цапли,
А въ болотѣ лежитъ бегемотъ.
Тамъ слѣды, тамъ кровавыя капли,
Тамъ гигантская кобра живетъ.

Воды свѣтятъ тамъ блескомъ берила,
Въ дикой чащѣ хохочетъ горилла
И, косматымъ объятіемъ лапъ,
Въ ярой злобѣ, трясетъ баобабъ.

А когда утомленнаго диска
Золотой успокоится глазъ,
Изъ разсѣлины носъ василиска
Выползаетъ въ таинственный часъ.

Тамъ на отмеляхъ бархатныхъ ила
Спитъ коричневый стволъ крокодила,
И лежитъ неподвижная тѣнь
Отъ зари до зари, цѣлый день.

Тамъ и птицы и гады и звѣри,
Все стеклось на торжественный пиръ —
И не мало различныхъ повѣрій
Въ міръ несетъ этотъ дѣвственный міръ.

3.

Тамъ муха це-це, муха сонная,
Летаетъ крыльями звеня,
Тамъ пальма злая и фасонная:
„Не тронь меня, не тронь меня!“

Цвѣты цвѣтутъ цвѣтами алыми,
Тамъ пеликанъ съ мѣшкомъ въ зобу,
Гіены воютъ тамъ съ шакалами,
Въ лѣсахъ гнѣздится марабу.

Тамъ шквалъ съ тропическими ливнями,
Тамъ знойный вѣетъ гарматтанъ,
Тамъ есть охотники за бивнями,
И путь далекій на Суданъ.

Стервятникъ желтый тамъ съ грифонами
Живетъ въ пескахъ и въ мракахъ тучъ,
Тамъ ящеръ съ пятнами зелеными
Сидитъ въ лиловыхъ щеляхъ кручъ.

Тамъ все пестро и неразгаданно,
Тамъ все сверкаетъ, какъ алмазъ,
Тамь запахъ смолъ, тамъ запахъ ладана,
Тамъ все — ликующій оазъ!

4.

Тамъ дѣвы смуглыя за модами
Слѣдятъ пытливо и остро,
И въ перья страуса съ разводами
Нагое кутаютъ бедро.

Тамъ солнце пулями думъ-думными
Разитъ на смерть, оскаливъ пасть,
А жены, чувствами самумными,
Тамъ по ночамъ щекочатъ страсть.

Мужчины тамъ живутъ авгурами,
Для нихъ законъ — копье и мечъ,
И со щитомъ, увитымъ шкурами,
Бросаются отважно въ сѣчь.

Тамъ люди дѣлаются смѣлыми,
А жизнь такъ огненно-пестра,
Готовъ сидѣть часами цѣлыми
Я у горящаго костра.

Когда же поздно, ночью звѣздною,
Снявъ карабинъ, я лягу спать —
Волшебный сонъ, рукой мимозною,
Мою баюкаетъ кровать.

ТРОПИКЪ РАКА.

Мы шли изъ Адена въ Коломбо.
Кругомъ разстилалась пустыня —
Жемчужно-лиловыя волны
И розовый слѣдъ за кормой.

Сверкало іюньское солнце
Въ лазури томительно-синей,
И острая грань горизонта
Съ туманной сливалась каймой.

Дышала спокойно и тихо
Широкая грудь океана,
Игриво рѣзвились дельфины
И чайки летали вокругъ...

И было все это такъ просто,
И было все такъ несказанно —
И манитъ невѣдомой сказкой
Далекій таинственный югъ.

———

ОСТРОВЪ ДЬЯВОЛА.

Въ пустынномъ морѣ, среди тумановъ,
Торчитъ изъ бездны сѣдой утесъ.
На немъ гнѣздятся стада орлановъ
И буревѣстникъ и альбатросъ.

И день и ночь тамъ — ревутъ буруны,
И валъ клокочетъ, свирѣпъ и дикъ,
Незримой арфы рокочутъ струны,
Сирены слышенъ печальный крикъ.

— О, путникъ, бойся!.. И тотъ, кто плавалъ,
Утесъ завидѣвъ, стремится прочь —
На томъ утесѣ, косматый дьяволъ
Добычу ловитъ и день и ночь.

Рыдаютъ волны во мглѣ безбрежной,
Буруны стонутъ надъ бездной водъ —
И, полный страха, крестясь прилежно,
Монету мечетъ имъ мореходъ.

КОГДА РАЗСѢЕТСЯ ТУМАНЪ.

Мы шли океаномъ, таинственной бездной,
И сбились въ туманѣ, съ пути.
Что дѣлать во мракѣ пустыни беззвѣздной,
Дороги прямой не найти?

Мы отдали якорь тяжелый и стали.
Ползъ медленно сумракъ ночной,
И тихія волны, и смутныя дали
Сливались съ нѣмой пеленой.

Рыдала сирена и колоколъ мѣдный,
На мачтѣ горѣли огни —
И грустью далекой, и сказкою блѣдной
Мнѣ сердце щемили они.

И ждалъ я отвѣта, какъ странникъ усталый:
— Гдѣ путь мой?.. Все ложь и обманъ!
Когда же, въ потокахъ зари блѣдноалой,
Разсѣется мертвый туманъ?

МУССОННЫЕ ЗОВЫ.

Рѣжетъ клиперъ голландскій голубую пустыню,
Тихъ, безлюденъ и чистъ горизонтъ.
Тонетъ алое солнце въ сторонѣ африканской,
Куполъ неба — пылающій зонтъ.

За волной полусонной брызжетъ бѣлая пѣна,
Слышенъ вѣтра протяжнаго вой.
Убаюканный зовомъ, пѣньемъ арфы муссонной,
На кормѣ задремалъ марсовой.

— Тамъ, за далью туманной, гдѣ кричатъ альбатросы,
Есть чудесный, таинственный край.
Есть тамъ островъ жемчужный, островъ дивный и
Изумрудно-ласкающій рай! [странный,

Въ грезахъ сна голубого тонетъ алое солнце,
Бьетъ въ корму, лижетъ волны муссонъ.
Склянка четко чеканитъ и зоветъ марсового:
Донъ-донъ,
Донъ-донъ,
Донъ-донъ!

———

Летучій голландецъ.

Есть старинное повѣрье:
Иногда, во мглѣ туманной,
Въ пляскѣ бури, въ блескѣ шквала,
Сбитой реей шевеля,

Появляется изъ бездны,
На мгновенье, призракъ странный —
Ветхій, старый и разбитый,
Жуткій остовъ корабля.

Этотъ призракъ — знакъ несчастья,
Онъ у многихъ на примѣтѣ,
И подчасъ передается
Морякомъ изъ рода въ родъ.

Кто увидѣлъ этотъ призракъ —
Не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ,
И таинственная гибель
Ждетъ его въ пучинѣ водъ.

Да, я видѣлъ этотъ ржавый,
Отъ воды позеленѣвшій,
Весь источенный червями
Грязный кузовъ на волнѣ,

Съ полусломанной бизанью,
Весь прогнившій, весь истлѣвшій —
И отнынѣ жалкій призракъ
Угрожаетъ смертью мнѣ.

СМЕРТЬ „ФАРАОНА".

1.

„Скользитъ на волнахъ бригантина,
На мачтѣ черный вьется флагъ,
Пустынно море, даль пустынна,
Лежитъ на днѣ презрѣнный врагъ.

Рокочетъ нѣжно виланелла,
Спустилась ночь въ твоемъ саду —
Откинь боязнь и выйди смѣло
Ко мнѣ, въ отвѣтъ на бильеду.

Я — Фрагонаръ, пѣнитель моря,
А пистолетъ мой вѣрный стражъ,
Приди, приди, съ огнемъ во взорѣ,
Возьму тебя на абордажъ!"

2.

Упала ночь. Горятъ огни.
На небѣ звѣздная корона.
И бѣлымъ призракомъ, въ тѣни,
Полетъ крылатый „Фараона".

Впередъ, впередъ! Косматый фокъ
Вонзился въ сонную Плеяду,
А лунный лучъ, какъ осминогъ,
Схватилъ въ объятья карронаду.

Феллуку мчитъ попутный бризъ,
На марсѣ глазъ не дремлетъ зоркій —
Въ семи часахъ отъ Сенъ-Луисъ
Есть портъ укромный на Миноркѣ.

3.

А внизу, на кипахъ шелка,
У камбуза развалясь,
Двадцать два алеппскихъ волка
Тянутъ розовую вязь.

Пьяный смѣхъ и крикъ веселый
Льется въ дечное окно,
Льются звуки карманьолы,
Льется кипрское вино.

Будутъ пить и биться въ кости
Напролетъ и ночь и дни —
Всѣ погасли на нордъ-остѣ
Королевскіе огни.

4.

Море было пустынно, утро было туманно,
Кливеръ тихо шептался, бризъ вздохнулъ и упалъ.
И мерцали Плеяды такъ лѣниво, такъ странно,
Какъ янтарная яшма, какъ жемчужный опалъ.

А на палубѣ сонной, какъ огни послѣ пира,
Волокнисто струился фіолетовый дымъ.
На шелкахъ левантинскихъ разметалась Земира,
Обнаженно бѣлѣя подъ серпомъ молодымъ.

Волны тихо рыдали, словно пѣсни ундины,
Облака разбѣгались, какъ гондолы регаттъ.
А изъ млгѣющей дали, плылъ стопой лебединой,
Трехмачтовый, трехдечный королевскій фрегатъ.

5.

Грохочетъ брасъ. Визжитъ лееръ.
Сучится шкотъ. Порхаетъ румпель.
Держись, кровавый буканьеръ,
Врасплохъ застигнутый на румбѣ!

Забудь веселый тамбуринъ
И блескъ испанскаго дублона —
Въ послѣдній разъ ультрамаринъ
Тебѣ сверкнулъ морского лона!

Послѣдній часъ твой, мрачный гадъ,
Молись невѣдомому Богу!
И дымомъ застится фрегатъ,
Швырнувъ чугунную острогу.

6.

На палубѣ скользкой и зыбкой,
Рукой ухватившись за тросъ,
Съ надменной и гордой улыбкой —
Кровавый корсаръ — Альбатросъ.

Еще воспаленный и колкій,
Еще не остывшій отъ чаръ:
— Смѣлѣе, алеппскіе волки,
Я съ вами, Кровавый Корсаръ!

А если догонитъ невѣрный,
А если предательскій штиль...

—

И въ камеру съ бочкою сѣрной,
Кидаетъ зажженный фитиль...

ШКВАЛЪ.

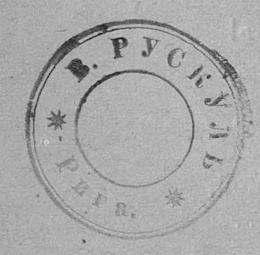
МОРСКАЯ ПОЭМА.

1.

Еще съ утра былъ яркій день чудесенъ,
Сплетались облака въ жемчужный хороводъ.
— О, нѣтъ, не говори, что міръ нашъ старъ и тѣсенъ,
Взгляни на океанъ и на небесный сводъ.
Взгляни, какая мощь, какой просторъ безбрежный,
Какъ искрится вода бездонной глубиной!
Къ полудню зной упалъ, смѣнился пѣной снѣжной,
И темная волна катилась за волной.

2.

Чернѣетъ небо
Зловѣщимъ мракомъ.
Несутся тучи
Со всѣхъ сторонъ.
Сверкаютъ брызги
Въ огнѣ двоякомъ,
И вѣтра слышенъ
Протяжный стонъ.
Все крѣпче вѣтеръ,
Все выше волны
Ревутъ и рвутся
Надъ бездной водъ.
Кругомъ — смятенье
И, гнѣва полный,
Нависъ, какъ шапка,
Небесный сводъ.

3.

Идетъ,
Реветъ
Девятый
Валъ.
Кругомъ
Сплошная
Ночь.
Хохочетъ
Въ пляскѣ
Дикой
Шквалъ —
И все
Сметаетъ
Прочь.
Ликуетъ
Буйный
Океанъ,
Раскрывъ
Нѣмую
Пасть.
Онъ — богъ,
Могучій
Какъ
Титанъ,
И пламенный,
Какъ
Страсть!

4.

Не Летучій-ли Голландецъ
Появился передъ нами
И, сверкнувъ разбитой мачтой,
Прыгнулъ въ бездну и исчезъ?
Впрочемъ, можетъ быть, то призракъ,
Призракъ, созданный волнами,
Весь туманный, какъ загадка,
И пронырливый, какъ бѣсъ?
Это призракъ или просто —
Такъ, игра воображенья,
Плодъ отравленнаго мозга,
Утомленнаго въ борьбѣ —
Мнѣ все это безразлично,
Я привѣтствую движенье
И, любуясь буйнымъ вихремъ,
Предаю себя судьбѣ.

5.

Сѣдой титанъ рванулъ въ послѣдній разъ —
И вѣтеръ стихъ... Проснулись снова дали,
Завѣса мрачная исчезла черезъ часъ,
Но волны синія всю ночь еще рыдали.
Горѣлъ закатъ въ волшебныхъ облакахъ,
Пурпурныхъ, золотыхъ, оранжевыхъ, лиловыхъ —
И будетъ такъ горѣть, въ минутахъ и въ вѣкахъ,
Для странниковъ иныхъ и въ ощущеньяхъ новыхъ.

———

КАПИТАНЪ.

Сэръ Гаррисонъ — англiйскiй капитанъ.
Тайфуны дней промчались, но когда-то
Румянымъ мичманомъ „Принцессы Лорестанъ“ —
Стоялъ на мостикѣ военнаго фрегата.

Потомъ, работалъ онъ въ тропическомъ краю,
Громилъ разбой, ловилъ купцовъ голландскихъ,
А на войнѣ, участвовалъ въ бою
Съ эскадрой Шпе, у острововъ Фалкландскихъ.

Теперь въ отставкѣ онъ, но кряжистый старикъ
Слѣдитъ по прежнему за компасомъ и лагомъ.
И бороздитъ волну, его тяжелый бригъ
Съ трехцвѣтнымъ англiйскимъ нараднымъ, гордымъ
флагомъ.

Въ морщинахъ лобъ, но зорокъ острый глазъ,
А кожа смуглая, какъ старая гинея —
Ее позолотилъ Борнео и Мадрасъ,
Муссоны Индiи и Новая Гвинея.

Сэръ Гаррисонъ везетъ китайскiй шелкъ,
И плачется, что шелкъ — коммерцiя плохая...
Но говорятъ еще, что старый морской волкъ
Торгуетъ опiемъ для Гоа и Шанхая.

Миникой.

Когда бронзовый челнъ круторогій
Озаритъ, какъ свѣчой, небосклонъ —
Онъ маячитъ, какъ столбъ на дорогѣ,
На пути изъ Адена въ Цейлонъ.

И плывутъ въ темнотѣ очертанья,
И мигаетъ немеркнущій глазъ —
И невольно страницы скитанья
Воскрешаютъ печальный разсказъ.

Но откинувъ долой предразсудки,
Чуетъ каждый достойный морякъ —
Что сверкнетъ на носу, черезъ сутки,
Вожделѣнный цейлонскій маякъ.

Коломбо.

Оконченъ путь десятидневной
Унылой качки и тоски.
Уже бѣлѣютъ маяки,
Плѣняя сказочной царевной.

Вдали — могучій волнорѣзъ,
Бананы, пальмы, цѣлый лѣсъ,
На небѣ яркомъ и лазурномъ,
Чернѣетъ кружевомъ ажурнымъ.

Сверкая пѣной серебристой,
Ревётъ и прыгаетъ прибой —
И дышетъ счастьемъ воздухъ чистый
И волнъ оттѣнокъ голубой!

ЦВѢТЫ МАНГО.

Я проснулся утромъ, было рано,
Воздухъ былъ еще росистъ и ясенъ.
Пѣлъ прибой и гулы океана,
И весь міръ казался мнѣ прекрасенъ.

Цѣлый день, какъ пламя, солнце лило
И сапфиръ и жемчугъ и топазы,
И въ душѣ, съ волшебной юной силой,
Расцвѣталъ и манго и экстазы.

Зной упалъ и тихо ночь моргала,
Стукъ сандалій колыхался гдѣ-то,
И въ цвѣты закутался бунгало,
И съ тобой — мы боги, до разсвѣта.

ЦВѢТЕНЬЕ ЛОТОСА.

Гонгъ зоветъ тревожно и тоскливо.
Въ сторонѣ стоитъ буддійскій храмъ.
Тонетъ солнце въ алыхъ переливахъ.
Бамммъ!... Бамммъ!.. Бамммъ!..

И въ мечтахъ, о бывшемъ и небывшемъ,
Я забылся, радостный поэтъ.
Близокъ вечеръ, а въ прудѣ загнившемъ
Расцвѣтаетъ бѣлоснѣжный цвѣтъ.

Въ этотъ вечеръ все для насъ возможно,
Мое сердце — тотъ же божій храмъ.
Гонгъ зоветъ тоскливо и тревожно —
Бамммъ!.. Бамммъ!.. Бамммъ!..

ЦЕЙЛОНСКІЕ МОТИВЫ.

1.

Шоссе бѣжитъ причудливымъ зигзагомъ,
Дремотныхъ пальмъ желтѣетъ стройный рядъ.
Журчатъ ручьи и, тихо, шагъ за шагомъ,
О чемъ-то яркомъ, дивномъ говорятъ.
Синѣетъ цѣпь и видѣнъ Пикъ Адама,
А небосводъ, какъ райская свирѣль,
Какъ златоцвѣтъ, какъ радужная гамма,
Баюкаетъ людскую колыбель.

2.

Воздушныхъ горъ сверкаетъ діадема
И тихой радостью пронизанъ свѣтлый міръ.
Здѣсь все волнуетъ сказками Эдема:
Внизу — топазъ, а наверху — сапфиръ.
Кругомъ звучатъ свирѣльные напѣвы,
Кругомъ восторгъ для сердца и для глазъ —
— Здѣсь только нѣтъ моей единой Евы:
Въ глазахъ — сапфиръ, а въ локонахъ — топазъ!

3.

На всемъ печать какого-то андантэ.
Усталый взоръ склоняю молча ницъ —
Комедіей Божественною Дантэ
Горятъ слова топазовыхъ страницъ.
Незримой арфы слышенъ, въ райскомъ кличѣ,
Аккордъ, звенящій брызгами огня —
И кажется, вотъ-вотъ, что Беатриче,
Съ улыбкой ясной, взглянетъ на меня.

4.

Огнистый шаръ бросаетъ златонити,
Въ лѣсу дрожитъ лазоревая тѣнь.
Трубятъ слоны, въ листвѣ кричатъ уистити,
Сгораетъ день.
И ночь легла, въ коронѣ и въ порфирѣ,
Волнуя сказками и тайнами камей —
— А я одинъ, въ хрустальномъ этомъ мірѣ,
Одинъ, какъ атомъ, какъ пигмей!

КЭНДИ.

Волшебная дорога насъ ведетъ
Все дальше вверхъ, черезъ лѣса и кручи.
Внизу шумитъ ручей, прозрачный и могучій,
Какъ этотъ дикій лѣсъ и яркій небосводъ.

Чудесныя, роскошныя мгновенья!..
На нивахъ золотыхъ разбросаны селенья,
Среди глухихъ озеръ, горящихъ, какъ кристалъ.
Въ далекой синевѣ, какъ дивный пьедесталъ,

Въ жемчужныхъ облакахъ, сквозитъ, въ огнѣ лучистомъ,
Сѣдой, какъ старый мохъ, и серебристый Пикъ.
Дыханье затаивъ, замрешь душой на мигъ,
Питаясь запахомъ чарующимъ и чистымъ.

А дальше — снова лѣсъ, дремучій, буйный лѣсъ,
Въ колоннахъ стройныхъ пальмъ, бамбука и глициній,
То желтый, какъ топазъ, то пурпурный, то синій,
Задумчивый, какъ ночь, нѣмой, какъ сингалезъ.

Въ болотистыхъ лугахъ, на низменныхъ полянахъ,
Растетъ зеленый рисъ и яркіе цвѣты —
Кругомъ разлитъ покой небесной красоты,
На листьяхъ, лепесткахъ и на плодахъ румяныхъ.

Сплетается картинъ волшебный хороводъ —
За рощей то утесъ, то гладь зеркальныхъ водъ,
Сверкаетъ, въ глубинѣ и пасти бездны чудной,
Сапфиромъ пламеннымъ, въ оправѣ изумрудной.

Все пахнетъ древностью и тлѣномъ старины,
И этотъ ветхій храмъ, представившійся взорамъ,
Скользнувшій въ сторонѣ причудливымъ узоромъ,
И гонга вѣщій звукъ, и мирные слоны.

И мнится мнѣ — давно, во тьмѣ тысячелѣтій,
Здѣсь тотъ же жилъ народъ, играли такъ же дѣти,
Любовная тоска была, какъ сладкій ядъ,
И смерти тайный ликъ не безпокоилъ взглядъ.

———

ГИДЪ.

Гидъ Антоніо — лукавый португалецъ...
Легъ закатъ, мечтаетъ тихій скверъ.
Я гляжу на вытянутый палецъ:
— Сэръ, я здѣсь!.. Куда прикажетъ сэръ?

Голосъ вкрадчивый звучитъ, какъ пѣнье лиры:
— Сэръ, клянусь Мадонной и Крестомъ,
Только здѣсь цейлонскіе сапфиры
Расцвѣтаютъ въ блескѣ золотомъ!

— Только здѣсь найдете лунный камень,
Кость слоновью, кофе, чай-экспортъ...
Но сапфиры, не сапфиры — пламень,
Самый лучшій, драгоцѣнный сортъ!

Обрываю коротко и рѣзко.
Португалецъ отъ печали сѣръ:
— О, Мадонна!.. Лучше сингалезки —
Въ цѣломъ мірѣ ничего нѣтъ, сэръ!

И. Бунину.

РИКША.

1.

Пять индiйскихъ рупiй
И банановъ связку
Заплатилъ Мунгали
За свою коляску.

Самъ онъ — совершенство,
Выкованъ изъ стали,
Грудь, какъ мѣхъ кузнечный,
Вотъ каковъ Мунгали.

Только встанетъ солнце,
Брызнетъ день лучами
И на городъ взглянетъ
Ясными очами —

Рикша за работой,
Возитъ и катаетъ,
И хохочетъ звонко:
— Будда такъ желаетъ!

2.

Приглянулась рикшѣ
Блѣдная Ирвана,
Встрепенулось сердце,
Обнажилась рана,

Страсть бурлитъ, какъ море,
Хорошо-ли, худо,
И рѣшилъ Мунгали:
— Такъ желаетъ Будда!

Побѣжалъ къ Ирванѣ,
Плакалъ долго, клялся,
Билъ себя по сердцу,
Мучилъ, унижался,

Убѣжалъ Мунгали
Съ головой поникшей —
И весь міръ смѣялся
Надъ влюбленнымъ рикшей.

3.

Разъ, въ волшебный вечеръ,
Только солнце сѣло,
И разсыпалъ звѣзды
Богъ рукой умѣлой,

Подбѣжалъ Мунгали
Къ золотой Ирванѣ —
Тихо бились волны
Въ сонномъ океанѣ.

Онъ умчалъ Ирвану
На утесъ скалистый:
— Такъ желаетъ Будда,
Такъ желаетъ Чистый!

— Мы увидимъ Счастье!
И, блаженства полный,
Кинулся, съ разбѣга,
Въ голубыя волны.

ИЛАНГЪ-ИЛАНГЪ.

Илангъ-Илангъ — цвѣтокъ единственный,
Цвѣтокъ тропическихъ огней,
Цвѣтокъ душистый и таинственный,
Цвѣтокъ невысказанныхъ дней.

Его сорвалъ я въ безднѣ пламенной,
Среди лѣсовъ и дикихъ кручъ,
Гдѣ протекалъ, въ ложбинѣ каменной,
И ворковалъ хрустальный ключъ.

Ліаны тамъ сплетались змѣями,
Синѣли грани дальнихъ горъ,
Тамъ ирисъ желтый съ орхидеями
Свадебный выткалъ намъ коверъ.

—

И въ часъ ночной, когда лампадами
Сверкала туника небесъ,
И свѣтляками и цикадами
Звучалъ и пѣлъ цейлонскій лѣсъ,

Когда Арголь — звѣзда маячная,
Блеснула въ синей глубинѣ —
На ложе страсти, ложе брачное,
Илангъ-Илангъ пришла ко мнѣ.

Свершилась тайна обручальная,
Былъ храмомъ божьимъ сводъ небесъ,
И пѣсню пѣли намъ вѣнчальную
Хрустальный ключъ и темный лѣсъ.

И свѣтляки шептались съ травами,
Лилъ жемчуга челнокъ луны,
Кричали въ джунглѣ сойки съ павами,
Трубили дикіе слоны.

—

ИНДІЙСКІЯ НОЧИ.

Помню четко, какъ въ Сахарѣ
Колыхался бѣгъ мехари,
И струилъ въ пескѣ пустыни
Монотонный тонкій слѣдъ.

Выли динго и гіены,
Съ неба лилъ огонь геенны,
И сквозилъ, за далью синей,
Танесруфтъ и Тагунетъ.

Послѣ Нила, послѣ Конго —
Нѣжно пѣли звуки гонга,
Наливался острымъ сокомъ
Тамариндъ и мангустанъ.

Разливался гулъ прибоя,
Крики рикши, звукъ гобоя,
И сверкалъ весломъ высокимъ
Размалеванный сампанъ.

Въ яркомъ полѣ звѣздныхъ мантій
Вспыхнулъ Наль и Дамаянти,
Раджпутанскія богини
И священный бѣлый слонъ —

И гляжу, въ иллюминаторъ,
На таинственный экваторъ,
Гдѣ горитъ, въ пучинѣ синей,
Трехкоронный Оріонъ.

———

САПФИРЫ ВЪ ЗОЛОТѢ.

Цейлонъ — сапфиръ для глаза и для сердца:
Бананы, пальмы и жемчужный гулъ.
Въ душѣ звучитъ божественное скерцо,
Ноктюрный вздохъ, безумье Калигулъ.

Сатира страсть и трепетъ лунной дѣвы,
И блескъ и мракъ и тайна буйныхъ чащъ,
Когда, рукой сторукой Магадэвы,
Горящій сводъ завьется въ синій плащъ.

Цейлонъ — сапфиръ для сердца и для глаза,
Скользятъ въ душѣ хрустальные пути:
— О, міръ земной — сверкающая ваза,
Къ которой каждый можетъ подойти!

НОЧЬ ВЪ СИНГАПУРѢ.

Упала ночь — и вспыхнули лампады,
Змѣится и ползетъ упругій ароматъ.
Въ травѣ стрекочетъ шмель, въ кустахъ поютъ цикады,
И дремлетъ, въ полуснѣ, волшебный буйный садъ.

Все дышетъ и живетъ особой странной тайной,
На всемъ лежитъ печать могучей красоты,
Все кажется игрой любви необычайной —
И дикій видъ плодовъ, и яркіе цвѣты.

Волшебный дышетъ садъ и, пѣснею вѣнчальной,
Сплетается въ живой и сладострастный кругъ —
О, въ этотъ часъ забудь тоску души печальной,
Зови скорѣй любовь и трепетныхъ подругъ!

Отдаться до конца всей жаждѣ наслажденій,
Подъ неумолчный вздохъ и щелканье цикадъ...
— О, ночь любви и грезъ, желаній и томленій,
Волшебная, какъ сонъ, и жгучая, какъ ядъ!

ТОСКА ПО РОДИНѢ.

Девятый день мы рѣжемъ океанъ —
И къ островамъ подходимъ Никобарскимъ.
Вдали видна земля... И, сквозь сѣдой туманъ,
Все кажется опять и сказочнымъ, и царскимъ.

Душа еще полна загадочныхъ видѣній,
Чудесныхъ, жгучихъ сновъ и красочныхъ картинъ.
Я пьянъ отъ этихъ сновъ, отъ этихъ впечатлѣній,
Хотѣлъ бы отдохнуть, хотѣлъ бы быть одинъ.

Опять дремучій лѣсъ въ причудливыхъ ліанахъ,
Шеренги стройныхъ пальмъ и яркіе цвѣты,
Каскады бурныхъ рѣкъ, озера и кусты
Таинственныхъ плодовъ, волнующихъ и пряныхъ.

Опять вершины горъ и пасти дикихъ кручъ,
То солнца буйный зной, то мракъ багровыхъ тучъ,
Безсмѣнная игра чарующихъ созвучій,
Божественный аккордъ, блестящій и могучій.

О, дивная страна, земной волшебный рай!..
Тебя извѣдалъ я со всею южной страстью,
Тобой я ослѣпленъ и изнемогъ отъ счастья,
И съ каждымъ новымъ днемъ я вижу новый край.

Далекій милый край, гдѣ вьется прихотливо,
Въ темнѣющихъ лугахъ, серебряный ручей,
Гдѣ дремлетъ въ полуснѣ, сквозя въ огнѣ лучей,
Сырой сосновый боръ, за пожелтѣвшей нивой.

Родной далекій край проселочныхъ дорогъ,
Гдѣ сладко шепчется прохладный вѣтерокъ,
Гдѣ стелются поля волнистой ржи, гречихи,
И гдѣ закатъ горитъ, задумчивый и тихій.

———

НА РАЗСВѢТѢ.

День обѣщаетъ быть жаркимъ,
Тихо струится вода.
Въ небѣ, прозрачномъ и яркомъ,
Таетъ и млѣетъ звѣзда.

Зыблется грудь океана,
Краски тревожатъ мой глазъ —
Ахъ, почему я такъ рано
Всталъ, въ этотъ дѣвственный часъ!

Да, мнѣ сегодня не спится,
Сонъ мой — томительный бредъ.
Въ лунныхъ лучахъ серебрится
Мягкій и нѣжный разсвѣтъ.

Блекнутъ воздушныя тѣни,
Полныя трепетныхъ думъ —
Въ жгучей волнѣ настроеній
Тонетъ и сердце и умъ.

Будто когда-то и гдѣ-то
Видѣлъ я этотъ восходъ,
Грезится раннее лѣто,
Дремлющихъ звѣздъ хороводъ,

Росная пыль аромата,
Ночь и луна на водѣ —
Да, это было когда-то,
Только не помню я гдѣ.

МАЛАККА.

Десять дней безглазымъ океаномъ
Мы идемъ — ни паруса, ни дыма.
Нѣтъ конца, и мнится, навсегда намъ,
Все слилось въ кольцѣ необозримомъ.

Десять дней дорогой буревою
Я объятъ загадкою камеи...
Бортъ обросъ зеленою травою,
А въ водѣ — коричневыя змѣи.

Только градусъ, а затѣмъ — экваторъ,
Какъ ремнемъ стянувшій чрево шара.
На носу поетъ молитву патеръ,
На кормѣ колышется гитара.

Океанъ — расплавленная чаша,
Изъ сапфировъ съ золотой рѣзьбою.
Остро мачты, въ кружевѣ суташа,
Смотрятъ въ небо знойно-голубое.

Въ часъ ночной, суматроваго бриза,
Вѣетъ вздохъ живительный и робкій —
На бакбортѣ виденъ берегъ сизый,
А за нимъ — пылающія сопки.

ОРХИДЕЯ.

СИНГАПУРСКАЯ ПОЭМА.

1.

Въ знойныхъ рощахъ Сингапура,
Гдѣ аллеи, какъ стекло,
Иностранка, миссъ Лаура,
Проживала въ бунгало.
Днемъ тамъ тихо, днемъ тамъ сонно,
Дышетъ синью сводъ бездонный,
Желтый глазъ глядитъ въ упоръ,
Дверь закрыта на запоръ.
Но лишь гуще станутъ тѣни,
Станетъ гуще острый ядъ —
И потоками цвѣтеній
Расцвѣтаетъ буйный садъ.

Сладострастнымъ цвѣтомъ рдѣя,
Расцвѣтаетъ орхидея,
Въ глубинѣ, какъ старый магъ,
Цѣдитъ пурпуръ красный макъ.
Отъ Цейлона до Гонконга
Замираютъ звуки гонга
И, сметая думы прочь,
Льется чувственная ночь.

Въ ней призывъ, въ ней страсть и сила...
Робкой поступью дрожа,
Выростаетъ тѣнь тамила:
— Что прикажетъ госпожа?
Миссъ Лаура хмуритъ брови,
Голосъ глуше и суровѣй:
— Если рабъ ты госпожи,
Вѣрный Бенъ мой... Услужи!

2.

Бенъ бежитъ на ближнiй рынокъ,
Бенъ бѣжитъ въ далекiй портъ —
Тамъ, средь черныхъ и блондинокъ,
Есть мущины — первый сортъ.
Тамъ — малайскiе матросы,
Сингалезы, негритосы,
Тамъ — афганцы, тамъ — индусъ,
Есть — арабъ тамъ, есть тамъ — руссъ.
У тамила Бена — опытъ,
Гдѣ сноровкой, гдѣ рублемъ,
Пинта рома, тайный шопотъ —
И тамилъ бѣжитъ вдвоемъ.

Тѣнь короче, ярче воздухъ,
Тѣни ночи мчатся прочь,
И скользитъ на яркихъ звѣздахъ
Субтропическая ночь.
Отъ Цейлона до Гонконга
Раздаются звуки гонга
И, какъ золото, могучъ —
Брызнулъ съ горъ далекихъ лучъ.

Въ бунгало, на брачномъ ложѣ,
Въ орхидеяхъ и въ крови,
Спитъ мертвецъ — мулатъ пригожiй,
Сладокъ вѣчный сонъ любви.
Снова день пройдетъ, а къ ночи
Миссъ Лаура хмуритъ очи,
Слышенъ голосъ госпожи:
— Вѣрный Бенъ мой... Услужи!

НА ВАНГЪ-ПУ.

Парусъ лохматый сампана, мѣрные стуки уключинъ,
Зыбко дрожитъ на водѣ путь серебристый луны.
Воздухъ тяжелъ, какъ свинецъ, въ воздухѣ, голъ и безззвученъ,
Тонетъ медлительный плескъ сонной лиловой волны.

Уліу-ліу-ліули... Тянется звукъ монотонный,
Вѣетъ далекая грусть, тихая вѣетъ тоска.
— Ахъ, почему въ эту ночь, словно напѣвъ похоронный,
Чудится тайное мнѣ въ пѣснѣ нѣмой рыбака?

— Ахъ, почему въ эту ночь, знойную ночь на чужбинѣ,
Что-то тревожитъ меня, что-то щемитъ мою грудь?
Тихо струится рѣка лентой таинственно-синей,
Зыбко дрожитъ на водѣ лунный сверкающій путь.

Городъ тревожный умолкъ, рѣютъ далекія думы,
Въ сумракѣ тонетъ улыбка желто-коричневыхъ скулъ,
Гдѣ-то огни догораютъ, гдѣ-то колышатся шумы,
Стукъ деревянныхъ сандалій, шорканье войлочныхъ улъ.

Юли-юли.

Ты помнишь — ласковость залива,
Жемчужно-пепельныя волны,
Лучи, дрожавшіе какъ струнки,
А въ небѣ плыли корабли.
И такъ забавно, такъ лѣниво,
Раздумья медленнаго полный,
Звучалъ лукавый бѣгъ шампунки
И стукъ весла — юли-юли.

Апрѣльскій полдень ткалъ узоры,
Синѣли радужныя дали,
Верхушки горъ, подъ небосклономъ,
Убрались въ чепчикъ кружевной.
А мы, вонзивъ другъ въ друга взоры,
Такъ безпричинно хохотали,
Какъ только можно двумъ влюбленнымъ,
Волшебно-юнымъ и весной.

Мы шли назадъ, когда стемнѣло,
Когда легли ночныя тѣни,
Когда небесныя лампады
И маяки зажглись вдали.
И что-то звало, что-то пѣло
Въ моей груди, какъ ядъ цвѣтеній,
Какъ звукъ весенней серенады,
Какъ вздохъ весла — юли-юли.

———

Опiйныя сказки.

Мнѣ объ этомъ разсказали
Бурнопламенные маки,
Расцвѣтавшiе, какъ солнце,
Въ моей сумрачной душѣ.

Жизнь — туманная загадка,
Жизнь — безпочвенные злаки,
Листъ исчирканной бумаги
И безцвѣтное клише.

Было утро, было тихо,
Млѣли волны Янтсекьянга,
Солнце блѣдно золотило
Неподвижный Нанкинъ-Родъ.

Въ полусонномъ переулкѣ
Колыхались звуки банга,
Въ полуотпертыя двери
Явь вползала, словно кротъ.

Я вошелъ и стражъ безмолвный
Тотчасъ плотно заперъ двери,
Въ нѣжномъ сумракѣ струился
Волокнистый сизый дымъ —

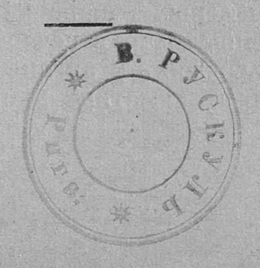
Какъ заманчивъ, какъ безуменъ
Блескъ божественныхъ феерій,
Воплощенныхъ въ юномъ тѣлѣ,
Вмѣстѣ съ чувствомъ молодымъ!

Я бродилъ въ саду небесномъ,
Садъ сверкалъ, какъ изумруды,
Пѣли птицы, пѣли струны,
И звучалъ волшебный клиръ.

Упоенный, восхищенный,
Я упалъ къ подножью Будды
И, смѣясь, сквозь изумруды,
Я глядѣлъ на свѣтлый міръ.

Гдѣ-то лился голосъ дѣвы
И дрожали звуки банга,
Жизнь сверкала и сплеталась
Въ дивный райскій хороводъ.

Было шумно, было знойно,
Пѣли волны Янтсекьянга,
Солнце ярко золотило
Оживленный Нанкинъ-Родъ.

В. Русецъ Рига

ЧЖАНЪ.

Бѣдный маленькій китаецъ Ли-Фенгъ-Чжанъ,
Черноглазый бойкій китайченокъ,
За три доллара служилъ у англичанъ,
Въ бѣломъ домикѣ, безъ лавокъ, безъ лавчонокъ.
Пыль сметалъ и натиралъ паркетъ,
Вѣялъ въ окна пряный воздухъ майскій...
Въ бординкгаузъ пришла разъ лэди Кэтъ —
Вечеръ былъ особенный, шанхайскій.

Былъ толпой такъ ярко наряженъ
Бэбблингъ-Родъ, кипучій и богатый.
Въ пятомъ номерѣ жилъ строгій мистеръ Джонъ —
Кэтъ вошла, съ улыбкой, въ номеръ пятый.
Любопытство — признанный порокъ,
Оторваться Чжанъ отъ зрѣлища не смѣетъ:
Затаивъ дыханье, какъ сурокъ,
Смотритъ въ щелочку, трясется и нѣмѣетъ.

А потомъ — вскочилъ и поднялъ вой,
Какъ щенокъ испуганный, какъ лайка.
Прибѣжалъ индусъ-городовой,
Прибѣжалъ хозяинъ и хозяйка.
Прибѣжалъ на зовъ весь Бэбблингъ-Родъ —
Мистеръ Джонъ успѣлъ накинуть смокингъ,
Кэтъ краснѣла, куталась въ капотъ
И шептала: — Шокингъ, шокингъ, шокингъ!

Бѣдный, маленькій, наивный бойка Чжанъ,
Любопытный черноглазый мальчикъ!
Ахъ, всегда — трагическій романъ,
Если сэръ цѣлуетъ дамскій пальчикъ...
Бѣдный, маленькій, наивный бойка Чжанъ
Долго помнилъ этотъ вечеръ майскій,
Но не долго жилъ у англичанъ —
И сгорѣлъ въ сумятицѣ шанхайской.

ПѢСНЯ.

Свѣтитъ лунная дорога,
Путь мой дологъ и далекъ.
Въ синей мглѣ Янтсепудога
Загорѣлся огонекъ.

То — китайская таверна,
Есть тамъ эль голландскій, джинъ,
Есть тамъ устрицы навѣрно,
И навѣрно есть ханшинъ.

Пахнетъ рисовой настойкой,
Чадомъ блюдъ и папиросъ.
А въ углу, за длинной стойкой,
Тамъ сидѣлъ и пѣлъ матросъ.

Былъ онъ пьянъ и пѣлъ онъ скверно,
Но кружилась голова —
Дымъ, китайская таверна,
Ночь и... русскіе слова.

Ахъ, зачѣмъ, въ дорогѣ долгой,
Гдѣ забвенье и покой,
Снова я окованъ Волгой,
Русской матерью-рѣкой!

И волнуетъ и тревожитъ
Эта пѣсня моряка,
Пѣсня жалитъ, пѣсня гложетъ,
Вѣетъ буйная тоска.

И, какъ образы рѣзные,
Какъ мучительные сны —
„Выплывали росписные
Стеньки Разина челны".

КОРЕНЬ ЖЕНЬШЕНЯ.

1.

Въ старомъ городѣ, въ толпѣ вонючихъ лавокъ,
Гдѣ свили гнѣздо прiюты сладострастья,
Гдѣ имѣть извѣстный должно навыкъ
Для шаговъ за поисками счастья —
За одною опiекурильней,
Въ сѣромъ домикѣ, ютился старый Джинъ.
Жалкой ветхостью и плѣсенью могильной
Отдавало отъ сѣдыхъ руинъ.

2.

Вѣкъ любви стремителенъ и кратокъ,
Старый Джинъ — великiй чародѣй.
И когда съ любовью безъ перчатокъ
Распростился лейтенантъ Бродвей,
По указкѣ опытнаго друга,
Онъ сыскалъ жилье, гдѣ старый магъ
Средство дивное лелѣетъ отъ недуга —
И рискнулъ на чрезвычайный шагъ.
О прилавокъ звонкiй звякнулъ долларъ,
Джинъ смѣется: „Силъ — на триста лѣтъ!“
Сэръ Бродвей, пустивъ сигарный колеръ,
Съ корешкомъ стремится на корветъ.

3.

Сэръ Бродвей летаетъ райской птицей,
Жизнь сверкаетъ солнцами поэмъ,
Цѣлый рядъ блестящихъ репетицій —
— Чортъ возьми!... Не ожидалъ!.. Годдэмъ!..
Сердце бьется и трепещутъ взоры,
А въ груди, какъ кратэръ, пышетъ кровь —
Черезъ годъ, у ножекъ миссъ Авроры,
Склонитъ онъ почтительно любовь.
И носясь по лону океана,
Сэръ Бродвей, могучъ и неустаннъ,
Кубкомъ пьетъ любовь въ странѣ Корана
И въ краю жемчужномъ таитянъ.

4.

Черезъ годъ пришелъ корветъ обратно.
Въ маѣ сэръ цѣпь брачныхъ принялъ узъ.
Но, годдэмъ!.. По милости превратной,
Въ часъ любви произошелъ конфузъ...
Рой картинъ струится вереницей,
Снова другъ и снова старый Джинъ.
Джинъ въ испугѣ: „Триста репетицій?
Все погибло, добрый господинъ!“

—

СИРЕНА.

1.

Жемчужная чаша залива,
Челнокъ неподвижный и валкій,
Воздушные бѣлые замки
И желтый упругій песокъ.
Немолчная пѣсня прилива
И стоны крикливой рыбалки,
И дня изумруднаго рамки,
И сопки кудрявой сосокъ.
Букеты и гроздья сирени
И тѣни лиловаго лаза,
Цвѣтникъ, окропленный росою,
И щебетъ въ жасминныхъ кустахъ —
И грезы о тайной Сиренѣ,
Въ волнахъ серебристаго газа,
Съ русалочьей русой косою
И лаской на блѣдныхъ устахъ.

2.

И цѣлый день я былъ на стражѣ —
Бродилъ въ лѣсахъ, искалъ на скалахъ,
На берегу, въ толпѣ нарядной,
Гдѣ слышенъ хохотъ былъ и смѣхъ.
Средь женщинъ радостныхъ на пляжѣ,
Въ воздушныхъ бѣлыхъ покрывалахъ,
Мой взоръ, и пламенный и жадный,
Искалъ тебя, какъ первый грѣхъ.
Съ тоской непризнаннаго бога,
Тебя искалъ я въ блескахъ диска,
Въ аккордахъ вальса, въ логахъ крабьихъ,
Въ голубизнѣ и въ бѣлизнѣ.
Въ моей груди растетъ тревога —
— Ты гдѣ-то здѣсь, ты гдѣ-то близко,
Я отыщу тебя, хотя-бы
Ты скрылась въ синей глубинѣ!

3.

Маячилъ томительный парусъ
Въ оковахъ сапфирнаго плѣна,
А дальше, за тучкой, мористѣй,
Тонулъ фіолетовый дискъ.
И берегъ тянулся, какъ гарусъ,
И въ берегъ кидался, какъ пѣна,
Какъ тайна морскихъ евхаристій,
И шопотъ и ропотъ и визгъ.
И тихо, съ сіяньемъ во взорѣ,
Ты шла по извилистой тропкѣ,
И розовымъ сномъ несказаннымъ
На мигъ все представилось мнѣ —
Дрожало вечернее море,
Кудрявились мглистыя сопки,
А мѣсяцъ чеканнымъ даяномъ
Въ бездонной сверкалъ глубинѣ.

4.

Я подошелъ къ тебѣ увѣренно.
Звучали струны: „Это — ты!“
Шумѣлъ прибой чредой размѣренной,
Дышали листья и цвѣты.
И сводъ, увитый шалью звѣздною,
Манилъ бездонной глубиной —
Сиреной, блѣдною и грезною,
Стояла ты передо мной.
Вдоль плечъ струились косы русыя,
И блескъ лучился синихъ глазъ,
И видѣлъ жемчугъ, видѣлъ бусы я
И, какъ волну, вспѣненный газъ.
И тихо взялъ тебя я за руки:
— Взгляни!.. Я здѣсь, мечта моя!
Смѣялись звѣзды, какъ фонарики,
И было двое — Ты и Я.

ЗОЛОТЫЕ ТАЭЛИ.

1.

Старый Чинъ-Я-Ху-Ли — возчикъ на сампанѣ,
Тридцать долгихъ весенъ кормится весломъ.
Все прошло, какъ въ сказкѣ, все прошло въ туманѣ—
Дѣтство золотое, юность, отчій домъ.

Медленно струятся волны Янтсекьянга,
Медленно, какъ море, зыблется рѣка.
Въ лодкѣ пара веселъ, Лули-обезьянка,
Двѣ щепотки рису, парусъ и доска.

Медленно, какъ волны, дни струятся жизни,
Бороздя поверхность сѣткою морщинъ —
— Все пройдетъ на свѣтѣ рябью дальней, ближней!
И смѣется тихо и беззвучно Чинъ.

2.

Въ истокахъ таинственныхъ Желтой рѣки,
Въ таинственномъ царствѣ оленя,
Гдѣ бездны, гдѣ скалы, гдѣ звѣзды близки —
Есть кустъ заповѣдный женьшеня.

Три года мнѣ путь освѣщала луна,
Три года заря мнѣ играла,
Я шелъ наудачу, я шелъ, какъ волна —
Тамъ панты, тамъ панты марала!

И время сверкнуло, какъ дѣвственный крикъ,
И годы, какъ тѣнь, пролетѣли.
— Былъ юнъ и красивъ я, теперь я — старикъ,
А жизнь — золотые таэли!

СОЛНЦЕ ВОСТОКА.

1.

Въ скитаньяхъ жгучихъ дней я посѣтилъ страну,
Гдѣ счастьемъ дышетъ все и вѣетъ свѣтлымъ раемъ.
Мы — злаки безъ корней, не любимъ старину,
Рожденные, какъ пыль, какъ пыль мы умираемъ.
Мы — темные слѣпцы, попавшіе въ туманъ,
Презрѣвшіе завѣтъ преданья и былины —
И жизни хмурой цѣпь влачимъ мы, какъ обманъ,
Улыбкой не блеснувъ хотя бъ на мигъ единый.

2.

Я посѣтилъ страну, чудесную какъ мифъ,
Какъ сказка, какъ глава волшебнаго романа,
Гдѣ духъ сѣдыхъ вѣковъ хранимъ и вѣчно живъ,
А восходящій лучъ встаетъ изъ океана.
Гдѣ нѣгой брызжетъ день, сверкая, какъ опалъ,
Въ цвѣтущихъ городахъ и радостныхъ селеньяхъ.
Гдѣ, въ синихъ жемчугахъ, плывутъ эскадры скалъ,
Гдѣ все достойно быть воспѣтымъ въ пѣснопѣньяхъ.

3.

Въ гирляндѣ малышей, слетѣвшихся гурьбой
Изъ школъ твоихъ, народъ, я вижу высшій геній.
Не въ нихъ-ли, огонькахъ, затепленныхъ тобой,
Весь смыслъ и торжество грядущихъ поколѣній?
Не въ нихъ-ли, мотылькахъ, проворныхъ и живыхъ,
Твой образъ и душа находятъ отраженья?
И ясенъ гордый взоръ и ласка вся для нихъ,
И въ скорбный смерти часъ, и въ свѣтлый часъ рожденья.

4.

А женщины?.. О кто — не зналъ волшебный мигъ
Таинственной любви, задумчивой и нѣжной,
И трепетъ робкихъ словъ, и сладострастный крикъ,
И жгучій поцѣлуй на шейкѣ бѣлоснѣжной?
Здѣсь видѣлъ я любовь, прекрасную какъ сонъ,
Здѣсь грезилъ я и жилъ, тоскѣ души внимая —
О, Ниппонъ, у тебя здѣсь чувство лишь законъ,
И дѣвушки твои — душистый вечеръ мая!

5.

Взгляните на мущинъ, на цвѣтъ и щитъ страны:
Начальникъ-ли, купецъ, рабочій, пахарь, воинъ —
Какъ въ любящей семьѣ, всѣ братья, всѣ равны —
Достойно-молчаливъ, привѣтливъ и спокоенъ.
Сомнительныхъ идей затѣйливый узоръ
И мысли ложной бредъ задѣлъ ихъ только краемъ:
Отвага, честь и долгъ — здѣсь вовсе не позоръ,
И каждый гражданинъ рожденъ быть самураемъ.

6.

Здѣсь любятъ милый блескъ и цѣнятъ скромный трудъ,
И подвигъ, и конецъ, запечатлѣнный кровью.
Здѣсь пѣсни на устахъ, улыбка и уютъ,
А къ родинѣ горятъ божественной любовью.
Здѣсь предковъ гордый духъ витаетъ надъ страной,
Здѣсь корни глубоко ушли въ сырую землю.
— О, дивная страна!.. Есть вещи подъ луной,
Которыя порой лишь сердцемъ я объемлю!

НАГАСАКИ.

Бронированный крейсеръ „Исакій“
Красилъ бортъ въ фіолетовый лакъ.
И семь сутокъ сверкалъ въ Нагасаки
И смѣялся андреевскій флагъ.

По тавернамъ шатались матросы
Съ загорѣлымъ рязанскимъ мурломъ —
И звенѣли въ тавернахъ колеса,
И сверкали двуглавымъ орломъ.

И на зовъ ихъ серебряно-звонкій,
Когда ночь разстилала сукно,
Мотыльками слетались японки,
Въ разноцвѣтныхъ своихъ кимоно.

Танцовали нарядныя гейши,
Словно стайки воздушныхъ стрекозъ —
И была къ нимъ дорогой вѣрнѣйшей
Пара русскихъ чеканныхъ колесъ.

Времена стали хмуры и тяжки,
И приспущенъ андреевскій флагъ,
И никто не мѣняетъ бумажки —
И вздыхаешь и дуешь въ кулакъ.

Улетѣли волшебныя сказки . . .
Ахъ, есть много сверкающихъ темъ
Въ этомъ царствѣ игрушечной ласки,
Въ этомъ мірѣ цвѣтномъ хризантемъ!

———

РОБИНЗОНЫ.

ПОЭМА.

1.

Въ огнѣ жемчужныхъ перепутій,
Мнѣ слышенъ запахъ ароматовъ —
Волшебный бригъ, подъ парусами,
Меня несетъ на зовы странъ.
Какъ хорошо сейчасъ на ютѣ
Лежать подъ бухтою канатовъ,
Глядѣть на мачты и часами
Буравить сонный океанъ!

Вздыхать о бывшемъ и небывшемъ,
О вѣкѣ новомъ и минувшемъ,
Слѣдить, внимать склоненьямъ румба
И альбатросный слушать крикъ.
Скорбѣть о прошломъ, о заплывшемъ,
О безвозвратно потонувшемъ,
И въ міръ Пизарро и Колумба
Перелетать на краткій мигъ.

Мечтать о даляхъ дальнихъ прерій,
Гдѣ въ травахъ кормятся бизоны,
Гдѣ черный быкъ и оппосумы,
И гриззли — царь Скалистыхъ Горъ.
Гдѣ все чудесно — люди, звѣри,
Гдѣ всѣ живутъ, какъ Робинзоны,
Гдѣ, изъ куста, пятнистой пумы
Горитъ, какъ лучъ, зеленый взоръ.

2.

Гдѣ въ дикую чащу Кентукки
Врубается, съ хохотомъ, скваттэръ,
Гдѣ жалобно плачетъ вапити
У граней канадскихъ озеръ.
Гдѣ гулъ и желѣзные стуки
Кидаетъ топоръ за экваторъ,
И будитъ жемчужный Таити,
И рветъ златотканный узоръ.

Гдѣ нуженъ надежный винчестеръ,
Гдѣ надо орлиное сердце,
Гдѣ плещутъ и хлещутъ каскады
Съ алмазныхъ гуроновыхъ Альпъ.
Гдѣ фунтъ пеммикана и честеръ
Полезнѣй, чѣмъ яркое скерцо,
Гдѣ дорого масло лампады
И дешевъ такъ вражескій скальпъ.

Тамъ слышутся пѣсни ковбоя,
И кличи и пляска команча,
Тамъ надобны мѣткія пули,
Тамъ нуженъ снаровистый глазъ.
Тамъ утро, всегда голубое,
Ласкаетъ вигвамы и ранчо —
Могу-ли, могу-ли, могу-ли
Забыть тебя, старый Техасъ?

3.

Туда, туда, гдѣ, какъ аллегро,
Звучатъ серебряныя гаммы,
Гдѣ сладко нѣжутся агавы
Въ тѣни прохладныхъ гасіендъ!
Въ страну чудесъ, гдѣ Ріо-Негро,
Гдѣ гуанакко и гдѣ ламы,
Гдѣ шепчутъ бархатныя травы
По берегамъ сапфирныхъ лентъ.

Туда, въ невѣдомыя страны,
Меня влекутъ такъ жадно грезы
Отъ чаръ фокстротоваго монда
Навстрѣчу пляскамъ новыхъ чаръ —
Въ льяносы, въ дебри, гдѣ ліаны,
Гдѣ смолы брызжутъ, словно слезы,
Гдѣ спитъ недвижно анаконда
И дремлетъ черный ягуаръ.

Скакать на огненномъ мустангѣ,
Ловить въ лассо и блескъ и звуки,
Внимать, какъ дышатъ фосфориты
И слушать жадно птичій клиръ —
Туда, гдѣ кактусы и манго,
Гдѣ пальмы знойныя и юкки,
И гдѣ, въ объятьяхъ сенориты,
Забыть легко тревожный міръ!

4.

Отъ алыхъ вершинъ Котопахи
Метнуться стрѣлою къ Юкону,
Гдѣ золото ярко струится,
Струится, какъ бронза, какъ мѣдь.
Гдѣ такъ колоссальны размахи
И мощь ледяного закона,
Гдѣ спитъ голубая лисица
И бѣлый полярный медвѣдь.

Гдѣ коротки снѣжныя зори,
Гдѣ сполохи блещутъ рѣзьбою,
Гдѣ ночью торжественно-строгой
Такъ тянется длань за крестомъ.
Гдѣ въ водахъ полярнаго моря,
На утломъ стальномъ китобоѣ,
Съ стальной китобойной острогой
Нэдъ-Ленды летятъ за китомъ.

Нестись на собачьей запряжкѣ,
И снова — къ волшебному краю,
Туда, гдѣ лежитъ аллигаторъ,
Гдѣ запахъ цвѣтущихъ Флоридъ.
Гдѣ полдни такъ тяжки, такъ тяжки,
Гдѣ брызги и ада и рая —
На тропикъ, на югъ, на экваторъ,
Гдѣ вѣчное солнце горитъ!

5.

Тамъ есть таинственныя зоны
Въ просторахъ синихъ океановъ,
Гдѣ, какъ трагическая мука,
Ночами видѣнъ свѣтъ костровъ.
Тамъ Пятницъ ищутъ Робинзоны,
Въ кустахъ алоэ и банановъ,
Въ топазныхъ заросляхъ бамбука,
Въ глуши Антильскихъ острововъ.

Тамъ блескъ небесъ и гулъ прибоя,
Тамъ нелюдимо и безлюдно,
Румянецъ, чувственный и алый
Цвѣтовъ, струящихъ желтый сокъ.
Тамъ все лазурно-голубое,
Тамъ все смарагдно-изумрудно,
Тамъ жемчугъ дивный и коралы
Швыряютъ волны на песокъ.

Тамъ вѣютъ нѣжные пассаты,
Какъ поцѣлуй и вздохъ альмеи,
Тамъ, въ токѣ ласковыхъ теченій,
Плывутъ чудесныя мечты.
Тамъ есть чудовищные скаты,
Тамъ спруты, огненныя змѣи,
Тамъ міръ волшебныхъ приключеній,
Тамъ царство жгучей красоты!

6.

Тамъ звѣзды, какъ вѣчные гиды,
Мерцаютъ загадочнымъ блескомъ,
Тамъ плескомъ веселаго танца
Грохочетъ космическій валъ.
Тамъ въ безднахъ сѣдыхъ Атлантиды,
Движеньемъ тяжелымъ и рѣзкимъ,
Летучею тѣнью Голландца,
Шыряетъ гренландскій нарвалъ.

Тамъ, въ тихомъ Саргассовомъ морѣ,
Гдѣ дремлютъ гніющія травы,
Гдѣ въ штилѣ убійственномъ прѣя,
Забылись и ночи и дни —
Какъ вѣстники муки и горя,
Какъ свѣчи, какъ факелъ кровавый,
На выстрѣлахъ острыхъ брамреи
Сентъ-Эльмскіе свѣтятъ огни.

Тамъ ночью, на тюки балласта,
Взираютъ печальныя луны,
Опаломъ морскихъ украшеній
Дрожитъ фосфорическій свѣтъ.
Тамъ часто, тамъ часто, тамъ часто
Встрѣчаютъ разбитыя шхуны —
Обломки давнишнихъ крушеній,
Затерянныхъ въ сумракѣ лѣтъ.

7.

Ахъ, почему картины эти,
Какъ сладкоструйные аккорды,
Въ гремящей фугѣ мірозданья,
Меня волнуютъ и томятъ?
Чертить, во мглѣ тысячелѣтій,
Аквамариновыя хорды
И лить въ горящее сознанье
Экваторьяльный жгучій ядъ!

Съ душой, чувствительной, какъ фибра,
Лежать въ соломенномъ лонгшезѣ,
Мечтать о всемъ необычайномъ,
Кляня превратную судьбу —
Объ Амазонкахъ и колибри,
Антропофагахъ Полинезій,
И смыслахъ вычурныхъ и тайныхъ
Новозеландскаго табу!..

—

Исчезли гриззли и бизоны,
И кличъ воинственный команча,
Въ тискахъ желѣзныхъ Ніагара
Фабричный кутаетъ угаръ.
И въ клеркахъ служатъ Робинзоны,
И небоскребъ намѣсто ранчо
И, вмѣсто пумъ и ягуара,
Гремитъ — ликующій долларъ!

———

НА ВОЛНАХЪ.

1.

Въ минуты вечернихъ наитій,
Въ напѣвахъ муссоновыхъ струнъ —
Мнѣ грезится синій Таити
И бѣло-жемчужный бурунъ.
Широкій просторъ океана
Взлохмаченъ и вспѣненъ и сѣдъ
И, съ думой далекой и странной,
Гляжу на сверкающій слѣдъ.

2.

И мчусь я, покинувъ былое,
Туда, гдѣ ни бури, ни путъ,
Гдѣ манго цвѣтетъ и алоэ,
Гдѣ стройныя пальмы цвѣтутъ.
И звонко-чеканистой склянки
Я слышу удары, сквозь сонъ:
— Туда, гдѣ поютъ таитянки,
Неси насъ, неси насъ, муссонъ!

3.

А ночью крылатой и звѣздной,
Какъ свѣтлый сиреневый рай,
Какъ запахъ сиренево-розный,
Мнѣ снится далекій мой край.
Родное знакомое солнце,
И утро на сонныхъ поляхъ,
И садъ, и балконъ, и оконце,
И сладкій напѣвъ Омуля.

ПОДЪ ЗВѢЗДАМИ.

Я усталъ отъ гаммы острыхъ звуковъ,
Отъ чудесъ тропическихъ и знойныхъ.
И гляжу въ глубь ночи близорукой,
И объятъ тревогой безпокойной.

Отъ цвѣтовъ и буйныхъ красокъ юга,
Гдѣ весь міръ играетъ вѣчно свадьбы,
Я хочу забиться въ скромный уголъ
Старой дѣдовской покинутой усадьбы.

И сидѣть надъ озеромъ часами,
И часами, какъ влюбленный инокъ,
Неотступно-жадными глазами
Наблюдать цвѣтеніе кувшинокъ.

А когда закатъ погаснетъ алый
И въ саду зарѣютъ тихо тѣни —
Пусть въ душѣ, моей душѣ усталой,
Задрожатъ аккорды пѣснопѣній.

ГУСАРСКІЯ СКАЗКИ

ПОБѢДА.

Атакою конною „съ мѣста“,
Я смѣло бросаюсь въ галопъ.
Побѣда — ты словно невѣста,
Язвящая пулею лобъ.

Звонъ сабли, фанфары и трубы —
Твоя серебристая рѣчь,
Какъ пламя — кровавыя губы,
А груди твои — какъ картечь.

Какъ грива моей Эвридики —
Твое вороное руно,
А очи — какъ пики, какъ пики,
Пронзившія сердце давно!

СВЯТОЙ ГЕОРГІЙ.

Въ дыму побѣдъ и бранныхъ оргій,
Въ кроваво-блещущемъ огнѣ,
Съ копьемъ въ рукѣ, святой Георгій
Насъ велъ на огненномъ конѣ.

И полкъ прикрывъ щитомъ червленымъ,
И полкъ храня со всѣхъ сторонъ,
Кидалъ за первымъ эскадрономъ —
Четвертый, пятый эскадронъ.

Рыдали бѣшеныя трубы,
Гремѣлъ огонь и конскій топъ,
И дерзко сабельныя зубы
Вонзались въ вражескій потопъ.

Когда-жъ, побѣдные, въ восторгѣ,
Мы становились на привалъ —
Одинъ лишь онъ, святой Георгій,
Молясь за насъ, не пировалъ.

Онъ пѣлъ Творцу и, въ лунномъ свѣтѣ,
Сіялъ молитвенной мечтой
И, словно Крестъ, молитвы эти
Сверкали въ черни золотой.

Когда жъ огнистое свѣтило
Зажглось въ лазурной вышинѣ —
Онъ вновь, какъ радужный Атилла,
Насъ велъ на огненномъ конѣ.

ЧЕРНЫЙ ДЕМОНЪ.

1.

Прощай, крылатый летъ феллуки,
Миражъ пустыни африканской,
Гафиза сладостныя чары
И сонный бѣгъ жемчужныхъ строфъ!

Меня влекутъ иные звуки,
Иныя пѣсни — полкъ уланскій,
Бряцанье сабель, дымъ пожаровъ,
И храпъ коней, и шумъ костровъ.

Въ душѣ горитъ огонь кровавый,
Въ груди звенятъ шальные звоны —
Потокъ стальныхъ великолѣпій
И громъ желѣзнаго ура.

Какой волшебною забавой
Казалось мнѣ, атакой конной,
Сметать, какъ пыль, густыя цѣпи
И голубые кивера!

А въ часъ ночной, а въ часъ безсонный,
Когда уляжется тревога,
Въ антрактѣ алаго парада,
Глядѣть на звѣздный хороводъ.

Ловить тепло сырой попоны
И такъ чудесно вѣрить въ Бога —
— Впередъ, мой рыжій Эльдорадо,
Навстрѣчу Вѣчности — впередъ!

2.

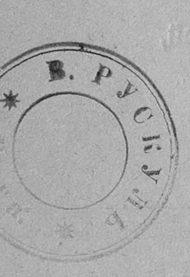
По небу плылъ косматый Демонъ,
Махая черными крылами,
Была бездонно-многомильной
Его кощунственная тѣнь.

Внизу катился тихій Нѣманъ,
Съ лугами, пашнями, полями,
И въ саванъ, скорбный и могильный,
Убрались лики деревень.

Война!.. Свершилось!.. Жребій брошенъ!..
Что мнѣ сулятъ нѣмыя дали?
Передовые эскадроны,
Уже обнюхавъ каждый кустъ,

Уже громятъ германскій Крошенъ
Ударомъ острой русской стали,
И рвутъ гербы съ чужой короны,
И поцѣлуи съ блѣдныхъ устъ.

Уже разверзлись рты орудій,
Горятъ огни далекихъ заревъ,
А по ночамъ, не шумъ батовки —
Казачій слышится наметъ...

В. РУСКУЛЬ

И, распаливъ нагія груди,
Тревожно дышетъ злобный Наревъ —
И гдѣ-то щелкалъ трескъ винтовки,
И гдѣ-то тявкалъ пулеметъ.

3.

Дымилось осеннее поле,
Туманъ заволакивалъ дали,
Катился по нивамъ, по пашнямъ,
Холодной и влажной фатой.

И были печальны бемоли,
И струны печально звучали
О миломъ, о прежнемъ, вчерашнемъ,
Сверкнувшемъ въ волнѣ золотой.

Приткнувшись къ березовой рощѣ,
Стояли мы стражемъ на флангѣ,
Какъ крылья, раскинувъ дозоры,
Держа лошадей въ поводу —

И было значительно проще
Все это, чѣмъ пѣсни о Гангѣ,
Чѣмъ зори весенней узоры,
Чѣмъ вздохъ въ голубомъ бильеду.

Труба уже рѣжетъ тревогу
И будитъ ужаленный улей —
Сегодня, сегодня, сегодня
Насталъ долгожданный чередъ.

И, въ стремя засунувши ногу,
Внимаю, какъ чмокаютъ пули:
— Храни меня воля Господня,
По конямъ, уланы!.. Впередъ!

КОМАНДИРЪ.

На сѣромъ меринѣ, костистомъ и поджаромъ,
Онъ ѣхалъ впереди, за нимъ тянулся полкъ.
Дымился небосклонъ, расплавленный пожаромъ,
Кругомъ струилась кровь, но шумъ борьбы умолкъ.

Когда закатъ погасъ, въ лѣсу костры горѣли,
Усталые, въ пыли, мы стали на привалъ.
Дышала тихо ночь, тянулся запахъ прѣли,
И блѣдный лунный челнъ то таялъ, то всплывалъ.

А утромъ, только день пахнулъ разсвѣтнымъ жаромъ,
Когда такъ сладко спать, когда вино въ груди —
На сѣромъ меринѣ, костистомъ и поджаромъ,
Онъ сумрачно сидѣлъ и ждалъ насъ впереди.

УДАРЪ.

Мы шли въ прорывъ, гдѣ грохотали дали,
Гдѣ рѣялъ смерчъ и вился черный дымъ.
Звенѣла сталь и трубы такъ рыдали,
Какъ скорбь жены надъ тѣломъ молодымъ.

Въ вечерней мглѣ катились эскадроны,
Былъ слышенъ храпъ и топотъ конскихъ ногъ.
— Впередъ, впередъ!.. Тамъ слава, тамъ знамена!..
Звени труба и сабельный клинокъ!

И мы летимъ по пашнямъ, словно птицы,
Какъ свистъ стрѣлы, какъ вѣтра дикій крикъ...
Сдавивъ бока арабской кобылицы,
Я о тебѣ подумалъ въ этотъ мигъ.

Свиристели.

Въ лѣсу свистѣли свиристели,
И полдень словно изнемогъ.
А подъ сосной, какъ пухъ постели,
Лежалъ курчавый рыжій мохъ.

И неба нѣжнаго осколокъ
Сквозилъ въ вѣтвяхъ, какъ синій пологъ,
Смолистый, сонный, донный зной,
Дышалъ покоемъ, тишиной.

А на полянкѣ, за болотомъ,
Какъ нескончаемый шаконь,
Какъ пчелы, липнущія къ сотамъ,
Трещалъ винтовочный огонь.

Желѣзный Крестъ.

Захваченный врасплохъ, на боевой развѣдкѣ,
Съ тремя уланами онъ заперся въ клѣти.
Кругомъ — огонь, огонь и выстрѣлъ мѣткій,
Надежды нѣтъ и некуда уйти.

Но цѣлый день, какъ звѣрь, сидѣлъ въ своей берлогѣ,
Метался и рычалъ изъ маузера, какъ звѣрь...
— Сдавайся, сукинъ сынъ!.. Сдавайся, жидконогій!..
Мы впали въ бѣшенство и выломали дверь.

Три трупа, а въ углу, со стойломъ конскимъ рядомъ,
Гдѣ пахло плѣсенью и видѣнъ былъ насѣстъ —
Валялся лейтенантъ, глядѣлъ недвижнымъ взглядомъ,
Въ слабѣющей рукѣ зажавъ Желѣзный Крестъ.

ГІЕНЫ.

1.

Онѣ живутъ въ трущобахъ тайныхъ,
Вдали отъ селъ и четкихъ тропъ,
Въ жилищахъ дикихъ и случайныхъ,
Въ лѣсахъ, гдѣ вырытъ былъ окопъ.

Когда свѣтло — лежатъ въ берлогѣ,
Въ тупомъ, тяжеломъ полуснѣ,
И ждутъ, покуда челнъ двурогій
Не загорится на соснѣ.

Когда же ночь, надъ скорбной нивой,
Прольетъ магическую жуть —
Походкой робкой и трусливой
Идутъ и вѣрный держатъ путь.

Идутъ вдвоемъ, въ косматыхъ лапахъ
Топоръ щербатый и клюка.
Онѣ идутъ на трупный запахъ
И чуютъ кровь издалека.

2.

Въ лугахъ зыбучихъ, въ смятыхъ травахъ,
Гдѣ грохоталъ полдневный бой,
Спитъ много юныхъ, дерзкихъ, бравыхъ,
Свинцовой скошенныхъ косьбой.

И челнъ, ныряя въ рваныхъ тучахъ,
Глядитъ, смѣясь, на блѣдный трупъ —
Ихъ много въ заросляхъ ползучихъ,
Еще звенящихъ пѣньемъ трубъ.

Вотъ плащъ изодранный и сѣрый,
Вотъ штыкъ, скользнувшій подъ ребро —
У господина офицера
Лежитъ въ карманахъ серебро.

А если скрючится колѣно,
А если тѣло кинетъ въ дрожь —
Съ усмѣшкой злобною, гіена
Вонзаетъ въ грудь сапожный ножъ.

ВЕСНА.

Подъ Витебскомъ еще снѣга лежали,
И желтый шаръ въ сугробъ лиловый вросъ.
Полозья санные скрипѣли и визжали —
— Тащи вино!.. Мы выпьемъ за морозъ!

Мы будемъ пить, мы будемъ непреклонны,
За милыхъ дѣвушекъ и за счастливый путь.
На утро, съ пѣснями, садимся въ эшелоны,
Гремитъ: Ура!.. Прощайте!.. Не забудь!

Пять дней пути... Въ окно блеснула Припять,
Струится паръ, а зной клонитъ ко сну —
— Тащи вино!.. Здѣсь хорошо бы выпить
За югъ, за блескъ, за солнце, за весну!

ШИШКОВЦЫ.

Мнѣ кажется, что это не война,
Что это только такъ, веселая прогулка!
Какъ прежде, надо мной сквозитъ голубизна,
Цвѣтетъ по прежнему и лютикъ и богулка.

И кругозоръ такъ тихъ, такъ нѣжно-простъ,
Влечетъ къ мечтамъ, къ ласкающимъ основамъ...
Вотъ изъ куста поднялся сѣрый дроздъ,
Поднялся и запѣлъ, смѣясь, въ саду вишневомъ.

Звенитъ малиновка... На яблони — желна...
Порхаютъ бабочки... И кажется мнѣ, право,
Что это только сонъ и вовсе не война,
Что это просто такъ — прогулка и забава.

ВОРОНЪ.

Мы съ милой гуляли по темному парку
И гнали нѣмую тоску.
И было такъ тихо, и было такъ жарко,
А воронъ дремалъ на суку.

О грезахъ, о розахъ, о знойныхъ мимозахъ,
Держалъ я прощальную рѣчь.
— Забудьте о смерти, забудьте о слезахъ,
Я щитъ свой мѣняю на мечъ.

За счастье осушимъ мы полную чарку,
За нашу свадебную ночь!
А воронъ взметнулся, закаркалъ, закаркалъ,
Закаркалъ и кинулся прочь.

МАКИ.

Я былъ одинъ, нѣтъ, былъ вдвоемъ съ печальной,
Съ моей печальною и блѣдной феей грезъ.
И звѣзды яркія кидали свѣтъ вѣнчальный,
Фатой былъ снѣгъ, а кольцами — морозъ.

А вмѣсто розъ и вмѣсто флердоранжа,
Намъ все равно — какой нибудь цвѣтокъ!
Кругомъ — ни зги... Чернѣла Черноганжа
И полосой румянился востокъ.

— Цвѣты, цвѣты!.. Но это были маки,
Ихъ раскидалъ рукой железной врагъ.
Цвѣты войны... Цвѣты ночной атаки —
Кровавый макъ.

ИММОРТЕЛИ.

1.

На углу Іерусалимской
Есть кофейня Удзялова...
Какъ смѣшно и какъ забавно
Снова видѣть яркій свѣтъ!

Снова слышать звонкій хохотъ
И, съ Мирейлькой темнобровой,
Обмѣнявшись острымъ взглядомъ,
Выйти съ ней на Новый Свѣтъ.

Часъ гулять по шумнымъ скверамъ,
Часъ бродить по магазинамъ,
Гдѣ бездѣлки, гдѣ флаконы,
Гдѣ батистъ и желтый шелкъ.

И, впивая майскій воздухъ,
Воздухъ, смѣшанный съ бензиномъ,
Позабыть на мигъ окопы
И родной гусарскій полкъ.

А потомъ — пойти направо,
Гдѣ сверкая жгучимъ окомъ,
Такъ призывно, такъ волшебно,
Манитъ яркое кино.

А потомъ — пойти налѣво,
Зарядиться виннымъ сокомъ,
И съ Мирейлькой темнобровой
Сладко кинуться на дно.

2.

Въ тылу, за лентою окоповъ,
Змѣится ходъ едва-едва.
Изъ дикой мглы, крыломъ захлопавъ,
Метнулась сонная сова.

А впереди костры горѣли,
Дремали сосны, пихты, ели.
И мѣсяцъ, кротко и съ тоской,
Всплывалъ надъ сонною рѣкой.

Иду, бреду тропой, не зная
Куда влечетъ меня мечта.
Въ травѣ, гдѣ рѣже глушь лѣсная,
Блеститъ могильная плита.

Плита могильная изъ камня,
Сосновый крестъ, на немъ вѣнокъ.
Ахъ, почему ты такъ близка мнѣ,
Плита, лежащая у ногъ?

И думы мчались и летѣли:
— Я цѣлъ, я живъ, а ты убитъ!
Но бѣлый вѣнчикъ иммортелей
О чемъ-то нѣжномъ говоритъ.

Одинъ цвѣтокъ я взялъ на память,
Онъ пахнулъ странно, какъ левкой...
Дышала ночь, струилась камедь
И несказанный плылъ покой.

———

ЧЕРНЫЕ ГУСАРЫ.

1.

Помню ночь и мокрый снѣгъ,
Дворъ господскій Псары.
Молча стали на ночлегъ
Черные гусары.

Разсѣдлали лошадей
Въ сумракѣ махнатомъ,
Дали дачу, а людей
Развели по хатамъ.

На походѣ всѣ равны —
Кто легъ на соломѣ,
А полковникъ — „богъ войны",
Помѣстился въ домѣ.

2.

Человѣкъ — онъ, какъ жирафъ,
Мерзнетъ отъ мороза.
Въ домѣ жилъ помѣщикъ-графъ
И грабянка Роза.

Было жарко и тепло
Въ домѣ и въ желудкѣ,
И струилась, какъ стекло,
Нѣга старой вудки.

А потомъ — открылся балъ
Безпечальной грезой.
И, смѣясь, вальсировалъ
Я съ грабянкой Розой.

3.

Ахъ, то былъ волшебный сонъ,
Сонъ изъ яркой сказки!
И звучали въ унисонъ
И слова и ласки.

Гдѣ вы, шашки, палаши,
Сабельныя рубки?
Были дивно хороши
И глаза и губки.

И гремѣлъ гусарскій балъ,
Какъ мечта корнета.
И весь полкъ вальсировалъ,
Въ домѣ, до разсвѣта.

4.

А на утро, только день,
Только кинулъ краски,
Какъ злокозненная тѣнь,
Показались — каски.

И смѣнился „Вальсъ Весны"
Карканьемъ патроньимъ,
А полковникъ — „богъ войны,"
Закричалъ: „По конямъ!"

И, закончивъ балъ-парей,
Дворъ господскій Псары —
Хлобыстятъ изъ батарей
Черные гусары.

ЮЛЬКА.

Домъ былъ стильный и фасонный,
Паркъ и прудъ и сталь моста.
Былъ тамъ островъ сосносонный
И могильная плита.

Я забрелъ туда украдкой,
Весь отдавшійся мечтѣ.
„Юлькѣ бѣдному отъ матки“ —
Такъ стояло на плитѣ.

— Юлька бѣдный, бѣдный малый,
Кто ты, какъ ты кончилъ путь?
Въ соснахъ свѣтъ дробился алый,
Юлька шепчетъ: „Не забудь!“

НОЧЬЮ.

Ты сказала, что придешь ко мнѣ,
Когда всѣ уснутъ въ господскомъ домѣ.
Звукъ шаговъ впиваю въ тишинѣ,
Разметавшись въ овсяной соломѣ.

Стелетъ ночь мохнатое сукно,
Слышенъ скрипъ и чей-то нѣжный шорохъ.
Лучъ скользнулъ въ открытое окно,
Подобрался и поджогъ, какъ порохъ.

Ночь прошла и катится разсвѣтъ,
Вѣетъ часъ предутренней печали.
— Нѣтъ тебя, обманщицы, и нѣтъ!
Пѣтухи на крышѣ закричали.

НОЧЛЕГЪ.

Воспоминанія волшебны и остры —
Сосновый лѣсъ и тихихъ струнъ дрожанье...
Костры, костры, горящіе костры,
Веселый смѣхъ, серебряное ржанье!

Душа поетъ, лучиста и пьяна,
Въ душѣ звенятъ малиновые звоны.
Высóко въ небесахъ задумалась луна,
И льетъ лиловый свѣтъ и пепельно-зеленый.

А утромъ, только день зажжетъ нѣмой огонь
И зарумянитъ лѣсъ лучомъ червонной рани —
Впередъ! звенитъ труба. Туръ вальса и шаконь
Предложимъ мы врагу на полѣ брани!

ПАМЯТЬ.

Онъ былъ особенный, и видѣлъ въ немъ я друга.
Я — пантеистъ, онъ вѣровалъ въ исламъ.
Въ лѣсахъ Мазуріи и на равнинахъ Буга
Дѣлили съ нимъ мы счастье пополамъ.

Потомъ — пески и дымка нѣжной Польши,
Луга, поля и блескъ вислянскихъ водъ.
Ихъ больше нѣтъ, ихъ не увидѣть больше —
Мы шли назадъ, какъ раньше шли впередъ.

И грудь щемитъ тревожно и тоскливо —
Стоходъ и Луцкъ... Пожарки и Горынь...
Въ ночномъ бою, подъ Золочевской Нивой,
Онъ былъ убитъ!.. Прощай навѣкъ... Аминь!

НАДЕЖДА НИКОЛАВНА.

1.

Очнулся я подъ вечеръ, въ лазаретѣ,
Когда вонзилась тонкая игла.
Ахъ, эта ночь!... Я помню ночи эти —
Тупая боль и мучила и жгла,
И кто-то ласково склонялся надо мною,
И голосъ ласковый о чемъ-то мнѣ шепталъ.
Была весна, и яркою весною
Мой воспаленный мозгъ и бредилъ и пылалъ.

2.

— Наденька!.. Надежда Николавна!..
Мнѣ не надо больше докторовъ.
Отчего смѣетесь вы такъ славно?
Я здоровъ, я кажется здоровъ.
Вамъ идетъ нарядная косынка
И передникъ съ аленькимъ крестомъ.
Вы — монашенка, а сердце ваше — льдинка,
Подъ весеннимъ радостнымъ кустомъ.
Я настроенъ нынче какъ-то странно
И хочу о чемъ-то васъ спросить...
Да... Лечить умѣете вы раны,
Но зачѣмъ ихъ снова наносить?

3.

Расцвѣтали сирени, расцвѣтали каштаны,
Доносились, какъ чотки, шумы дня городского.
И струился на солнцѣ воздухъ нѣжный и пряный,
И манили куда-то неотвязные зовы.

О, скорѣй бы на волю! Мои руки такъ слабы,
Я лежу безъ движенья, я усталъ безконечно...
— Ахъ, гдѣ Наденька, Надя!.. Какъ прекрасна была бы
Моя дѣтка съ цвѣтами и въ фатѣ подвѣнечной!

4.

Хорошо весной въ Варшавѣ,
Хорошо весной въ Лазенкахъ!
— Надя, Наденька, смотрите,
Какъ чудесно здѣсь въ саду!
Мы смѣемся, взглядъ сверкаетъ
На разряженныхъ паненкахъ,
Съ звонкимъ хохотомъ кормившихъ
Рыбъ въ лазенковскомъ пруду.
Мы смѣемся, словно дѣти,
А потомъ идемъ въ цукерню.
Ахъ, плутовка, ахъ, кокетка,
Ну зачѣмъ же морщить бровь?
Тихо млѣютъ въ звукахъ вальса
Взоры, говоръ, свѣтъ вечерній...
— Я не знаю что со мною,
Это — солнце и любовь!

5.

А дальше что?.. А дальше — глупый ядъ,
Кадильный дымъ и пѣвчихъ хоръ гнусавый,
Плерезы и цвѣты, фата, вопросный взглядъ —
А пушки грохотали надъ Варшавой...

ГОЛУБЫЕ УЛАНЫ.

1.

Мы въ резервной колоннѣ, въ ожиданьи прорыва,
Какъ собака на стойкѣ, мы стоимъ на чеку.
Передъ нами пролѣсокъ, тихо конскою гривой
Вѣтеръ южный играетъ да разноситъ: та-ку!
Я сегодня разсѣянъ и гляжу, словно пьяный,
На іюньское небо, на лиловую тѣнь.
— Ахъ, сегодня, сегодня, голубые уланы,
Какъ хорошъ этотъ ясный, этотъ радужный день!

2.

Тра-татата,
Тра-татата,
Всѣ на мѣста, на мѣста!
Четко-груба,
Рѣжетъ труба.
Бахъ!.. Ба-ба!.. Ба-ба-ба!..

3.

Мы идемъ разомкнуто, галопомъ,
За горой клубится бурый дымъ.
Вотъ окопы!.. По окопнымъ тропамъ
Я лечу выжлятникомъ гнѣдымъ.
Звѣрь бѣжитъ!.. Скорѣе на равнину!..
Пчелы спереди, фить-фить, а вѣтеръ въ спину,
Изъ подъ ногъ затакалъ пулеметъ —
Тататата...
Впередъ!

4.

Труба зоветъ тревожно и тоскливо —
Тра-татата, тра-та, тра-та...
Пылала заревомъ подкошенная нива,
Сочилась кровь изъ каждаго куста.
Мы шли назадъ... Побѣднымъ нашимъ взорамъ
Смѣялась Смерть язвительнымъ укоромъ —
Подъ соннымъ яворомъ, лежалъ, оскаливъ ротъ,
Поручикъ Милочкинъ, поэтъ и сумасбродъ,

ЧВИКЪ-ЧВИКЪ-ЧВИКЪ.

Чвикъ-чвикъ-чвикъ... Когда закатъ свернется
И уйдетъ за сонныя жнивья,
Подъ окномъ, въ жасминахъ, раздается —
Чвикъ-чвикъ-чвикъ — рыданье соловья.

Въ тишинѣ внимаю сладкой рѣчи...
Въ небесахъ затеплилась звѣзда.
Свѣтъ погасъ и тихо таетъ вечеръ —
Чвикъ-чвикъ-чвикъ — и будто навсегда.

Льется пѣсня сказки лучезарной,
Льются гимны радужной любви —
Чвикъ-чвикъ-чвикъ... Что эскадронъ ударный,
Эти руки, этотъ штыкъ въ крови!

ВЪ КАФЭ.

Въ Тарнополѣ, на солнечномъ бульварѣ,
Гдѣ молодежь гуляетъ въ галиффэ,
Гдѣ гимназистки ходятъ пара въ парѣ —
Есть ресторанъ австрійскій и кафэ.

Среди недѣль, тягучихъ и острожныхъ,
Какъ хорошо сидѣть тамъ у окна,
Вдыхать ликеръ и ароматъ пирожныхъ,
И видѣть шелкъ бильярднаго сукна.

Поймать цвѣтокъ въ плѣняющей гирляндѣ,
Подъ смѣхъ стекла и пеструю молву,
И шопоткомъ назначить паннѣ Вандѣ,
На Майской улицѣ, за скверомъ, рандеву.

ЧЕРНОВИЦЫ.

Подходили къ вокзалу голубые вагоны,
За серебрянымъ Прутомъ рѣялъ сумракъ вечерній.
Золотыя улыбки, золотые погоны,
Наполняли бульвары, наполняли цукерни.

Было ярко и шумно, и зима на исходѣ,
Улыбались стыдливо оголенныя вѣтки.
Были дѣвушки въ легкомъ и одѣты по модѣ,
Отъ шнуровки ботинка до узла вуалетки.

Было все такъ знакомо, такъ ласкающе-близко,
Гдѣ-то видѣлось это, на яву-ли, во снѣ —
И задумчивый мраморъ королевы австрійской,
И скворецъ на коронѣ, пѣвшій мнѣ о веснѣ.

ТОСТЪ.

Былъ день, какъ день, обыкновенный,
Слегка былъ сѣръ, слегка былъ сиръ.
Въ избѣ, вдвоемъ, за чарой пѣнной,
Сидѣлъ уланъ и кирасиръ.

— За бѣлый крестъ, за честь мундира,
И за лихой военный планъ!
Былъ тостъ заздравный кирасира.
— За славный рейдъ! — сказалъ уланъ.

— Довольно рейдовъ и военщинъ!
Сказалъ, войдя, поручикъ Дроздъ.
— За милыхъ женщинъ, милыхъ женщинъ!
Поетъ въ душѣ гусарскій тостъ.

ТРИ БОГАТЫРЯ.

1.

Свищетъ вѣтеръ въ полѣ чистомъ,
Закружился лѣсъ дремучій,
Каркнулъ воронъ, волкъ метнулся,
Въ сизой мглѣ горитъ заря —
На заставѣ богатырской,
Заклубленной черной тучей,
У дорожнаго распутья,
Три стоятъ богатыря.

2.

Впереди стоитъ Алеша,
Знать вскипѣло ретивое:
— Эй, держись, стрѣлой пернатой
Я тебя пощекочу!
И сдавивъ коня ногами,
Лукъ съ упругой тетивою,
Добрый молодецъ и ухарь
Вскинулъ къ лѣвому плечу.

3.

А за нимъ стоитъ Добрыня,
Въ свѣтлыхъ латахъ, въ яркомъ шлемѣ.
Блещутъ бранные доспѣхи
Въ аломъ пурпурѣ небесъ.
Онъ пригнулся къ самой гривѣ,
Онъ уперся крѣпко въ стремя,
И копье свое стальное
Грозно взялъ на-перевѣсъ.

4.

Заслонясь щитомъ отъ солнца,
Чуя бой и подвигъ ратный,
Дѣдъ Илья, въ желѣзный панцырь
И въ кольчугу обряженъ,
Смотритъ въ даль и хмуритъ брови,
И спокойно мечъ булатный,
Мечъ свой вѣрный, кладенецъ свой,
Вынимаетъ изъ ножонъ.

5.

Свищетъ вѣтеръ, пыль клубится,
Кличъ несется по дубравамъ,
Кличъ несется по дорогамъ,
Черезъ рѣки и моря.
На заставѣ богатырской,
Передъ праздникомъ кровавымъ,
У дорожнаго распутья,
Три стоять богатыря.

ДВУНОГІЙ.

1.

Онъ былъ, какъ звѣрь, и въ космахъ шерсти
Бугрились плечи, грудь, животъ.
Змѣился блескъ глазныхъ отверстій,
И челюсть хищная, впередъ,
Торчала камнемъ плотнымъ, сѣрымъ.
Какъ звѣрь, онъ рыскалъ по пещерамъ
Дремучихъ Азій и Европъ,
Голоденъ, страшенъ, низколобъ.
Томился, жалкій и убогій,
Въ душевномъ мракѣ и плѣну
И, словно звѣрь четвероногій,
Искалъ добычу и жену.
Клыками трясъ и буйной гривой,
Сплетаясь съ самкой похотливой,
И оглашалъ пещерный кровъ
Его звѣриный дикій ревъ.

2.

Текли вѣка волшебной ломки,
И превращеній, и чудесъ —
Смѣнила сталь и кварцъ и лѣсъ.
Великолѣпные потомки,
Міръ оплетя рѣзнымъ узоромъ,
Глядятъ инымъ, нетлѣннымъ взоромъ,
Ихъ идеалъ высокъ и гордъ —
Спиноза, Байронъ, Пушкинъ, Вортъ. . .

О, какъ хотите, что могло-бы
Напомнить прежній звѣрскій ликъ?
Трамвай и фракъ и небоскребы —
Неузнаваемъ и великъ
Сталъ тотъ, кто ползалъ въ буйной шерсти,
И блещетъ свѣтъ, гдѣ была мгла,
И яркій символъ троеперстья
Поставленъ въ голову угла.

3.

Но почему въ часы тревоги,
Сомнѣній жгучихъ и невзгодъ —
Далекій, тотъ, четвероногій,
Въ сознаньи вспыхнувшемъ встаетъ?
Разсудокъ съ чувствами не сладитъ —
Въ душѣ скользитъ пещерный прадѣдъ,
Ты близокъ мнѣ, о, да, о, да,
Пускай столѣтья и года
Насъ гранью мощной отдѣлили,
Смѣюсь, ха-ха, презрѣнный вздоръ —
И Жанна Д'Аркъ, и Термидоръ,
И Бокль, и Лувръ, и Пикадилли,
И Эдиссонъ, и древній Римъ,
И Кантъ, и вѣнская кокотка —
Звѣриный ликъ, сквозь пышный гримъ,
Глядитъ такъ явственно, такъ четко.
Простите, люди, звѣри, боги,
Прости, о міръ четвероногій,
Я былъ твоимъ, твой и теперь,
Я тотъ же, тотъ же, тотъ же — Звѣрь!

ЗВѢЗДЫ.

1.

Когда стелется бархатный вечеръ
И баюкаетъ сонныя гнѣзда,
И дрожатъ, какъ лампадныя свѣчи,
Золотыя далекія звѣзды,

Когда тонутъ, во мглѣ, водоемы,
Безпечальныя нивы и хаты —
Замираютъ желѣзные громы,
Утихаютъ стальные раскаты.

На поля, на кусты, на дороги,
Разбѣгаются тѣни кривыя
И, въ росинкахъ, съ мечтами о Богѣ,
Спятъ луга и цвѣты полевые.

Желтый мѣсяцъ гуляетъ по Стрыпѣ,
Цѣдитъ олово въ сумракъ лиловый —
Только стонутъ пугливыя выпи,
Только ухаютъ сонныя совы.

Дремлютъ крѣпко и кони и люди,
Словно трупы, лежатъ, неживые —
Только дышатъ усталыя груди,
И стоятъ на часахъ часовые.

И могилой чернѣютъ борозды,
И блеститъ серебромъ поле битвы —
А святыя далекія звѣзды
Проливаютъ на землю молитвы.

2.

Сумракъ тревожный и колкій
Снова повисъ надъ лугами.
Таетъ надъ сонной Горынью
Блѣднонѣмая печаль.

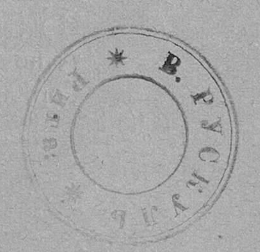
Тѣни, какъ волки, какъ волки,
Тихо плывутъ берегами,
Кроя лиловою синью
Ночи серебряной шаль.

Знаю, что сладко тревожитъ,
Что не даетъ мнѣ покоя —
Прошлаго нѣтъ вѣдь въ поминѣ,
Прошлое кинуто прочь.

Кто мою грусть состреножитъ?
Взмылъ далеко, далеко я,
Съ берега сонной Горыни,
Въ эту весеннюю ночь.

Грезятся встрѣчи, видѣнья,
Все что хочу отогнать я,
Чудится шопотъ мнѣ нѣкій,
Лунный сверкающій путь...

Буду томиться весь день я,
Гимны слагать и проклятья:
— Ахъ, почему бы навѣки
Мнѣ въ эту ночь не уснуть!

—

ПАНИКАДИЛА.

Уже стихали раскаты битвы
И багровѣли холмы пожаромъ.
А на поляны, на волны жнитва,
Дышало небо полдневнымъ жаромъ.

Алѣла лента кровавой Стыри,
Пестрѣли гречи и ржей заплаты.
Тонули дали и, словно чирей,
Маячилъ въ полѣ вѣтрякъ крылатый.

И день склонялся устало долу,
И цѣпенѣя и тихо тая.
Какъ саванъ черный, на пашнѣ голой,
Кружилась тучей воронья стая.

Рыдали струны въ душѣ измятой,
Закатъ смѣялся багрово-рыже,
Клубились тѣни и пахло мятой,
И сумракъ стлался все ниже, ниже.

И пѣли гимны противорѣчій,
И гдѣ-то смутно Печаль бродила.
А ночь струилась и, словно свѣчи,
Горѣли въ небѣ паникадила.

ДОМАМОРЫЧЪ.

Домаморычъ — деревня галичанъ.
Какъ хороша была весна въ апрѣлѣ!
Крылатыхъ думъ исполненъ мой колчанъ,
Въ моей душѣ и пѣсни и свирѣли.

Была весна и третій годъ войны,
Да, третій годъ упорно жизни жгли мы.
А небеса такъ чисты, такъ ясны,
Какъ взоры дѣвушки прекрасной и любимой.

Звенѣлъ ручей и зовъ земли сырой,
И буйный лучъ сверкалъ сквозь опахала.
А подъ окномъ чирикалъ чей-то рой,
И по кустамъ любовь благоухала.

И все зоветъ меня на брачный пиръ,
И все гремитъ, какъ пламенная ода —
О, не войну, а радости и миръ
Несетъ такъ ласково, такъ женственно природа...

И я гляжу на свой дамасскій клычъ,
А на душѣ и пѣсни и свирѣли...
— Какъ мнѣ забыть тебя, Домаморычъ,
Какъ хороша была весна въ апрѣлѣ!

МАРИКА.

1.

Тамъ струится Быстрица,
Тамъ синѣютъ Карпаты
И, какъ горная пѣсня,
Льется воздухъ пригожій.
Тамъ, по склонамъ зеленымъ,
Жмутся бѣлыя хаты,
А кудрявые буки,
Какъ паны, какъ вельможи.

2.

Тамъ кабаньи дорожки,
Пуля свищетъ такъ гулко,
Козьи тропы змѣятся
Такъ причудливо-дико.
Тамъ на пышномъ привольѣ
Расцвѣтаютъ гуцулки:
Зналъ одну я когда-то,
Ее звали — Марика.

3.

Въ алобархатной юбкѣ,
Въ безрукавкѣ изъ кожи,
Словно факелы очи,
Вьются косы густыя.
— Гей, здорово, красотка,
Помоги тебѣ Боже,
Эти ведра, надѣюсь,
Ты несешь не пустыя?

4.

— Стой, коханка-дивчина,
Не пущу!.. Покажи-ка?
Я стоялъ неподвижно,
Я глядѣлъ такъ упрямо.
Жемчугами сверкнула,
Улыбнулась Марика:
— Хе, я дивчина та́ка,
Якъ добродія мамо!

5.

Улыбнулась Марика
И, какъ золото, ведра
Засмѣялись на солнцѣ
Искрометной водою.
И такъ четко дрожали,
Такъ волнующе бедра,
А сорочка надъ грудью
Поднялась молодою.

6.

Черезъ день, черезъ два-ли,
Я сошелся съ ней ближе,
Были шутки и пѣсни,
Были ласки и слезы...
— Ахъ, нигдѣ, въ цѣломъ мірѣ,
Ни въ Москвѣ, ни въ Парижѣ,
Не цвѣтутъ такъ чудесно
Эти горныя розы!

КАРПАТСКАЯ ЕЛКА.

Гдѣ горныя свищутъ мятели,
Гдѣ вьются кабаньи дорожки,
И ярко-лучистыя звѣзды
Сверкаютъ, какъ лики Мадоннъ —

Закованъ стальнымъ ожерельемъ,
Съ стрѣлкомъ въ пулеметномъ окошкѣ,
Въ таинственный саванъ, какъ въ гнѣзда,
Зарылся драгунскій кордонъ.

Зарылся неслышный, незримый,
Надежнымъ, недремлющимъ стражемъ,
Упрямо считая минуты
Рожденья святого Христа.

Когда жъ разнесутъ пилигримы
Тѣ вѣсти по тропамъ по вражьимъ,
Мы въ небо бабахнемъ салюты —
Три залпа: тра-та, тра-та-та!

И вспыхнутъ грудастыя горы,
И тихо расцвѣтятся ели,
И эхо вдали прогрохочетъ
Веселый ночной галлопадъ.

А утромъ, рѣзные узоры
На бархатномъ вызвѣздимъ тѣлѣ,
И снова побѣдно, какъ кочетъ,
На грани воззримся Карпатъ.

КРАСНЫЕ ДРАГУНЫ.

Впередъ, впередъ! Какъ божій гнѣвъ, какъ гунны!
Въ груди — вино, въ рукахъ — желѣзный мечъ.
Мы — авангардъ, мы — красные драгуны!
Свистѣлъ свинецъ и каркала картечь.

И мы летимъ, какъ всадники печали —
Отъ жеребцовъ взъяренныхъ не уйти.
И ласки жгучія мы жадно расточали
Случайно сущему, на огненномъ пути.

Несемся вскачь, сквозь дымъ и черезъ трупы,
Справляя пиръ и сладостный Байрамъ.
И подъ добычею такъ низко гнулись крупы,
И дождь ревѣлъ, струясь въ разбитый храмъ.

Какъ маяки, сверкали намъ пожары,
Какъ дѣвка блудная, гуляла лихо плеть.
Гремѣли трубы намъ побѣдные фанфары,
И стонъ раздавленныхъ глушила бурно мѣдь.

Пощады нѣтъ! Ни въ полѣ, ни въ покоѣ —
И женскій стыдъ мы дѣлимъ межъ собой.
Павлиновъ рѣзали, со смѣхомъ, на жаркое,
И рѣжемъ плюшъ въ гостинной голубой.

Когда же, въ часъ запойнаго разсвѣта,
Душа болитъ и сумрачна, какъ гробъ —
Мы тѣшимъ Смерть, иглой изъ пистолета
Вѣнчая лобъ!

—

ПОРУЧИКЪ ЛОСЬ.

Стоялъ январь и полкъ стоялъ въ Карпатахъ.
И заболѣлъ цынгой поручикъ Лось.
— Какъ хорошо сейчасъ въ румяныхъ хатахъ?
Дуракъ, дуракъ, мечты о хатахъ брось!

Тянулись дни тоскливо, какъ недѣли,
Кругомъ лежала снѣжная постель.
Ряды гусаръ рѣдѣли и рѣдѣли,
Свистѣлъ буранъ и плакала мятель.

Стоялъ февраль и полкъ стоялъ въ Карпатахъ.
И умеръ вдругъ поручикъ бѣдный Лось.
— Какъ хорошо сейчасъ въ румяныхъ хатахъ?
Дуракъ, дуракъ, мечты о хатахъ брось!

ЖИЗНЬ.

Свитокъ дней исчезнувшихъ затронешь —
Мчишься вскачь, пока не скажешь тпру.
Въ декабрѣ пріѣхалъ я въ Воронежъ,
Хоронить умершую сестру.

Цѣлый часъ каталъ меня возница,
Мѣсяцъ плылъ румяный, какъ кумачъ.
А морозъ куражится и злится —
Ни угла... Все занято, хоть плачь!

Грудь щемитъ рыданьемъ непочатымъ,
А ямщикъ смѣется бѣлымъ ртомъ:
— На Мѣщанскую прикажете?.. Къ дивчатамъ?
И стегнулъ мухортаго кнутомъ.

ДУМЫ.

Минувшихъ дней свинцовая скрижаль —
Безмолвье бѣлое лежало на Карпатахъ.
Прошелъ январь и наступилъ февраль,
Въ тонахъ загадочныхъ и блѣдно-лиловатыхъ.

Въ Казатинѣ — предчувствіе весны,
Въ окно сквозитъ голубоватый иней,
А дали Кіева туманны, неясны,
Какъ старый Днѣпръ, повитый дымкой синей.

За Бахмачемъ — поля печальныя воронъ,
Сверкнули вечеромъ огни шумливой Орши.
А утромъ Петроградъ... Заплеванный перронъ
И флаги красные... И думы горше, горше.

МАТЬЯШЪ ШАРАНДИ.

Былъ вечеръ и закатъ на тихомъ дачномъ штрандѣ,
И желтый шаръ тонулъ въ голубизнѣ.
Гонведъ Матьяшъ, гонведъ Матьяшъ Шаранди,
Свернулъ на пляжъ и подошелъ ко мнѣ.

Мы поздоровались. Онъ мнѣ сказалъ по русски:
— Желаю здравія! Я отвѣчалъ: — Эльенъ!
Мы — два изгнанника и оба, какъ моллюски,
Какъ два гольца, попавшіеся въ плѣнъ.

И долго мы сидимъ на пляжѣ, въ часъ заката,
Внимаемъ пѣснѣ волнъ, не подымая вѣждъ.
А думы блѣдныя влекутъ, влекутъ куда-то:
Меня — въ Москву, Шаранди — въ Будапештъ.

БѢЛЫЙ МЕНТИКЪ.

Бѣлый ментикъ, красный долманъ,
Темносиніе рейтузы,
На боку кривая сабля,
Раззолоченный вальтрапъ,

Вензель, ташка, мѣхъ съ султаномъ,
Шлыкъ и сѣрой Аретузы
Топъ, серебряное ржанье
И знакомый милый храпъ.

Это было какъ видѣнье —
Бармы, тронъ, орелъ двуглавый,
Блескъ знаменъ и кличъ фанфарный,
Бѣлый май и алый мартъ.

И сверкнулъ на гордой башнѣ,
И погасъ въ зарѣ кровавой —
Желтый съ чернымъ, желтый съ чернымъ,
Императорскій штандартъ.

ПЕЧАЛЬ ПОЛЕЙ.

Въ мертвомъ покоѣ закинуты пашни,
Въ саванъ закутаны села, деревни —
Нѣтъ тебя больше Россіи вчерашней,
И богоносной, и пышной, и древней.

Той, что носила и лапоть и посохъ,
Счастье искала въ малиновомъ звонѣ,
Въ тихомъ раздумьѣ и въ вѣчныхъ вопросахъ
Жарко молилась убогой иконѣ.

Той, что сверкая огнемъ самоцвѣта,
Въ міръ расточалась алмазною пылью,
Въ жемчугъ и въ бармы, къ вѣнцу разодѣта,
Міръ наполняла особою былью.

Нѣтъ тебя больше вчерашней невѣсты,
Жребій смѣнивъ свой на долюшку вдовью —
Скорбно влачишь и безропотно крестъ ты,
Тихо рыдая слезами и кровью.

ВѢНЕЦЪ ТЕРНОВЫЙ.

1.

Юдоль страданій и печали,
Проходитъ жизнь, какъ тяжкій грѣхъ.
Замолкли пѣсни, что звучали,
И яркій звонъ, и звонкій смѣхъ.

Забыта честь, угасла совѣсть,
Исчезъ, какъ дымъ, священный долгъ,
И дней минувшей славы повѣсть,
И голосъ родины — умолкъ.

2.

Еще гремѣла непогода —
Въ душѣ проснулся темный звѣрь.
Ура, да здравствуетъ свобода!
Свободу видимъ мы теперь.

Лишенный свѣта, вѣры, страха,
Онъ, какъ ребенокъ, разсердясь,
Волшебный даръ небесъ, съ размаха,
Швырнулъ, съ улыбкой жалкой, въ грязь.

Трехцвѣтный стягъ смѣнилъ на тряпку,
А гордый гербъ свой на узду
И, съ дикимъ хохотомъ, на шапку
Одѣлъ кровавую звѣзду.

3.

О, Русь!.. Пройдетъ чреда страданій,
Исчезнетъ гибельный туманъ,
И ты, въ тоскѣ нѣмыхъ рыданій,
Поймешь гдѣ правда, гдѣ обманъ.

Воскреснешь вновь для жизни новой,
И славы блескъ увидишь вновь,
И смѣнишь свой вѣнецъ терновый
На разумъ свѣтлый и любовь.

Кровавый бредъ помянешь тризной
И, пыль стряхнувъ съ своихъ границъ,
Чудесный ликъ передъ Отчизной
Благоговѣйно склонишь ницъ.

ПАНИХИДА.

Бѣлымъ саваномъ окрестности увиты,
Вѣтеръ скорбное разноситъ пѣснопѣнье.
Я хочу молиться за убитыхъ,
За мечи, распавшіеся въ звенья.

За друзей, навѣки замолчавшихъ,
За враговъ, сражавшихъ и сраженныхъ,
За недужныхъ, безъ вѣсти пропавшихъ,
И за всѣхъ, за всѣхъ вооруженныхъ.

А потомъ, къ священному подножью
Припаду усталой головою —
Пусть мой путь, увитый зломъ и ложью,
Заростетъ колючею травою.

ЗОЛОТОЙ КУБОКЪ.

1.

Въ часы бездомнаго скитанья,
Среди тревоги черныхъ дней —
Горитъ звѣзда воспоминанья
И блескъ слѣпительныхъ огней.

Былыхъ огней угасшей славы,
Когда сверкалъ орелъ двуглавый,
Порфира, бармы, царскій тронъ
И шелестъ вьющихся знаменъ.

О, счастливъ тотъ, кто это время
Хоть краемъ жизни зацѣпилъ,
Кто отдалъ жизнь другой поэмѣ —
Поэмѣ русскихъ Ѳермопилъ!

2.

Весеннихъ дней моихъ начало
Вѣнчала щедрая судьба.
О, какъ лилась, и какъ звучала
Мнѣ кирасирская труба!

Не красный флагъ и не заплаты —
Сверкали солнечные латы,
И сталью кованой души
Горѣли грозно палаши.

Гремѣли пѣсни и фанфары,
Скликалъ и пѣлъ призывный рогъ,
И царскосельскіе гусары
Слетались къ намъ на огонекъ.

3.

Трофеи Пирны и Парижа
Еще струили бранный дымъ.
И парадеры масти рыжей,
И флюгеръ желтый съ голубымъ,

Все свято: служба и пирушки,
И золоченыя ватрушки,
И гордый гербъ, и старый шефъ,
И вензель яркій „М“ и „Ф“.

И галерея трубъ и трубокъ
Изъ боевого серебра,
И золотой державный Кубокъ
Царя великаго — Петра.

4.

Нѣтъ, не забыть васъ до могилы,
Не позабыть мнѣ никогда —
Сверкнули вновь, съ нежданной силой,
Неповторимые года.

И городокъ, въ вѣнцѣ изъ елей,
И удаль конныхъ каруселей,
И шлемоблещущій парадъ,
И старый паркъ мой — Пріоратъ.

Исчезло все, во мглѣ угарной
И, какъ падучая звѣзда,
Блеснуло искрой свѣтозарной —
И закатилось навсегда!

В. РУСКУЛЬ
Рига.

Моей бѣдной Лялькѣ.

ТЫ НЕ ПРИДЕШЬ.

Въ часъ, когда смолкнутъ тревожные шумы,
Шумы тревожно сіявшаго дня,
Думы вечернія, блѣдныя думы,
Мучатъ меня,
Мучатъ меня.

Я выхожу на просторъ океана,
Тихо и смутно и тайно вокругъ.
Звѣзды мерцаютъ сквозь дымку тумана —
Гдѣ ты, мой другъ,
Гдѣ ты, мой другъ?

Гдѣ ты, мой ангелъ, мой призракъ сердечный?
Зыбкою грустью пустыня полна,
Въ небѣ мнѣ путь улыбается млечный,
Свѣтитъ луна,
Свѣтитъ луна.

Да, все пропѣто навѣкъ и безслѣдно,
Въ сердцѣ змѣится тревога и ложь,
Счастье мелькнуло загадкою блѣдной —
Ты не придешь,
Ты не придешь.

Океанская, 1920.

СОДЕРЖАНІЕ.

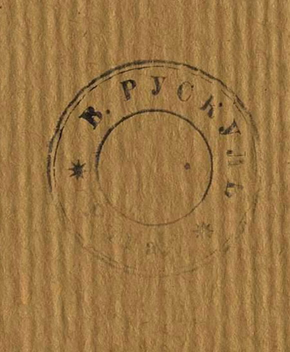
77. Рикша.
78. Илангъ-Илангъ.
79. Индійскія ночи.
80. Сапфиры въ золотѣ.
81. Ночь въ Сингапурѣ.
82. Тоска по родинѣ.
83. На разсвѣтѣ.
84. Малакка.
85. Орхидея.
86. На Вангъ-Пу.
87. Юли-юли.
88. Опiйныя сказки.
89. Чжанъ.
90. Пѣсня.
91. Корень женьшеня.
92. Сирена.
93. Золотые таэли.
94. Солнце Востока.
95. Нагасаки.
96. Робинзоны.
97. На волнахъ.
98. Подъ звѣздами.
99. Побѣда.
100. Святой Георгій.
101. Черный Демонъ.
102. Командиръ.
103. Ударъ.
104. Свиристели.
105. Желѣзный Крестъ.
106. Гіены.
107. Весна.
108. Шишковцы.
109. Воронъ.
110. Маки.
111. Иммортели.
112. Черные гусары.
113. Юлька.
114. Ночью.
115. Ночлегъ.
116. Память.
117. Надежда Николавна.
118. Голубые уланы.
119. Чвикъ-чвикъ-чвикъ.
120. Въ кафэ.
121. Черновицы.
122. Тостъ.
123. Три богатыря.
124. Двуногій.
125. Звѣзды.
126. Паникадила.
127. Домаморычъ.
128. Марика.
129. Карпатская елка.
130. Красные драгуны.
131. Поручикъ Лось.
132. Жизнь.
133. Думы.
134. Матьяшъ Шаранди.
135. Бѣлый ментикъ.
136. Печаль полей.
137. Вѣнецъ терновый.
138. Панихида.
139. Золотой Кубокъ.
140. Ты не придешь.

Того же автора:

1. ИМПЕРАТОРСКІЕ ФАЗАНЫ. Разсказы.
2. КРАСНЫЙ ХОРОВОДЪ. Эскизы. Въ печати.
3. ЗОЛОТЫЕ КОРАБЛИ. Скитанія. Въ печати.

Складъ изданія: М. Дидковскій, Рига, Ткацкая 9.

В. РУСКУЛИЋ

В. РУСКУ

2010381977